

ПОЛТАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

С Л О В О

въ день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и
Входа Господня въ Иерусалимъ.

25 Марта 1901 года.

*Радуйся Благодатная! Господь съ
тобою.* Лук. 1, 28.

*Радуйся зъло, дщи Сіоня, пропов-
вдуй, дщи Иерусалимля! се Царь
твой грядетъ тебѣ праведенъ и спа-
саяй, той кротокъ, и всдѣ на подъ-
ярменника и жребца юна.* Зах. 9, 9.

Какое рѣдкое совпаденіе двухъ великихъ христіанскихъ праздниковъ! Нынѣ день Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи о чудесномъ рожденіи отъ нея Сына Божія, днесь спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣка таинства явленіе, и день Входа Господня въ Иерусалимъ. Храмъ Божій оглашается глаголами Пророковъ и Апостоловъ, чтеніями и пѣснопѣніями св. Церкви, то въ честь Приснодѣвы Богоматери, то въ честь Превѣчнаго Сына Ея и Бога, со славою царя грядущаго въ Иерусалимъ на вольную страсть нашего

ради спасенія. И живой храмъ Божій, — душа христіанская, внимающая небеснымъ звукамъ глаголовъ Божіихъ и дивныхъ пѣснопѣній св. Церкви, полна, какъ храмъ египтама, самыхъ разнообразныхъ молитвенныхъ помысловъ и чувствъ, полна благоговѣнія и вѣры въ непостижимую тайну воплощенія Богочеловѣка отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и въ тайну искупленія міра Его крестными страданіями. Душею мы нынѣ, то въ Галилейскомъ городѣ Назаретѣ и въ Горнемъ, во градѣ Іудовомъ, то въ селеніи Вифагги, на горѣ Елеонской и во градѣ Давидовомъ, нѣкогда славномъ, а потомъ жалкомъ и донныя многострадальномъ Іерусалимѣ. Въ Назаретѣ, въ домѣ древодѣла старца Іосифа, наша душа созерцаетъ Благодатную Дѣву Марію. Пречистая склонилась надъ свиткомъ богодухновеннаго пророка, за семьсотъ слишкомъ лѣтъ предсказавшаго рожденіе отъ Дѣвы Сына Еммануила, Богомъ обѣщаннаго Спасителя міра, и вся погружена въ непостижимое откровеніе пророка. Явленіе въ эти минуты Архангела, его привѣтствіе: „Радуйся Благодатная! Господь съ тобою, благословенна ты въ женахъ“, приводятъ Пренепорочную въ благоговѣйный трепетъ и страхъ, Его благовѣстіе: „И се зачнешь во чревѣ, и родиши Сына, и наречешь имя Ему Іисусъ. Сей будетъ велий, и Сынъ Вышняго наречется, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца его, и воцарится въ дому Іаковли во вѣки, и царствію Его не будетъ конца“, приводятъ ее въ тревожное недоумѣніе, по слова Архангела: „Духъ Святыи найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя, тѣмже и раждаемое свято наречется Сынъ Божій. Не изнеможетъ у Бога всякъ глаголь“, разсѣяли Ея недоумѣніе, его смѣнила вѣра, смиреніе, покорность и преданность волѣ Божіей. И рече Маріамъ: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. Священная радость наполнила душу Благодатной, и она спѣшитъ въ Горняя со тщаніемъ во градъ Іудовъ повѣдать

праведной Елисаветѣ возвѣщенную Ей Архангеломъ тайну. Тамъ опять слышимъ откровеніе свыше тайны: „откуда мнѣ сіе, да прииде Мати Господа моего ко мнѣ“, воскликнула Елисавета, встрѣтивъ Приснодѣву. Слышимъ вдохновенную пѣснь самой Богоматери: „Величить душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ Моемъ. Яко призрѣ на смиреніе рабы своей, се бо отнынѣ ублажать мя вси роди“. И душа наша, внимая восторженной пѣснѣ Богоматери, возносится въ небесная горняя, взывая: кто тебя не ублажить, Пресвятая Дѣво, кто не воспоетъ пречистаго рождестве? Тебя славятъ небеса и земля. Славимъ и поклоняемся Тебѣ, Царице и Владычице, Покровительница и Заступница, Мати милосердная всего рода христіанскаго. Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво, моленій нашихъ не презри въ скорбехъ, но отъ бѣдъ избави насъ, едина чистая и благословенная. Твоими святыми молитвами предъ Сыномъ Твоимъ и Богомъ укрѣпи нашу вѣру, научи насъ смиренію, покорности и преданности волѣ Божіей, всели въ сердца наша страхъ Божій, вразуми заблудшихъ, укроти духъ мятежный, водвори миръ въ землѣ нашей. Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Пречистая Дѣво. Ты намъ помози. на Тебе надѣемся, и Тобою хвалимся, Твои бо есмь рабы, да не постыдимся. Твое сердце, по предреченію Симеона, оружіе прійде при видѣ распятаго на крестѣ Господа, согрѣи сердце наше любовію, дай намъ слезы, да плачемъ нашихъ согрѣшеній, да не постигнетъ насъ гнѣвъ Божій.

А ты, душа христіанская, воздавъ хвалу, моленіе и поклоненіе Благодатной, честиѣйшей Херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія Серафимъ, перенесись мыслию въ Вифанію, откуда Господь, Царь кроткій и спасающій, всѣдъ на осли, сына подъяремней, началъ свой путь въ Іерусалимъ. Предъ взоромъ твоимъ священное зрѣлище: грядетъ Господь,

Спаситель и Искупитель грѣшнаго міра, Его ученики и тысячи людей встрѣчаютъ и идутъ за Нимъ, народъ ликуетъ, снимаетъ съ себя одежды и устидаетъ ими путь, рѣжетъ вѣтви съ деревьевъ и бросаетъ ихъ по пути, въ рукахъ его пальмовыя вѣтви, знаки побѣды, а изъ устъ раздаются восклицанія: „Осанна Сыну Давидову! Благословенъ грядый во имя Господне, Осанна въ вышнихъ!“ Но отчего не сіяетъ радостию Божественное Лице Царя Сіона? Онъ видѣлъ, что этотъ же самый, жалкій народъ, обманутый своими слѣпыми вождями, чрезъ нѣсколько дней, вмѣсто: „Осанна“, будетъ неистово кричать: „распи, распи Его“. Уже и теперь, среди ликованій, въ толпѣ послышался говоръ завистливыхъ, порочныхъ фарисеевъ: „видите, весь міръ идетъ за Нимъ“. Не сдерживая вражды, они тѣснятся къ Христу Спасителю, и съ коварною злобою въ сердцахъ, но съ вышнимъ видомъ участія, съ видомъ заботы о Его безопасности, и устраниеніи народнаго волненія, могущаго вызвать опасное подозрѣніе Римлянъ и грозное бѣдствіе, говорятъ: „Учителю! запрети ученикамъ Твоимъ“, и отъ Господа, обличающій ихъ лукавство, отвѣтъ: „Аще сія умолкнутъ, каменіе возопіетъ“. Между тѣмъ, толпа растетъ, клики усиливаются и потрясаютъ воздухъ, близь уже Іерусалимъ, а сердце Господа, Царя Сіона, объято скорбію. Узрѣвъ со склона горы Елеонской Іерусалимъ, Христось Спаситель заплакалъ. „О если бы ты, Іерусалимъ, сказалъ Онъ, хотя въ этотъ день уразумѣлъ, что служить къ миру твоему“, — къ твоему примиренію съ Богомъ, со всѣмъ міромъ земнымъ и небеснымъ, но это сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ. „Прійдутъ дни, когда враги твои разорятъ тебя, побьютъ дѣтей твоихъ, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ за то, что ты не узналъ времени посѣщенія твоего“, — не узналъ Спасителя твоего, и отвергъ Его. Но ни плачь Господа о преступномъ Іерусалимѣ, ни предсказанныя Имъ

бѣдствіи, ни камня храма, въ который, по предсказанію Пророка, вступаетъ обѣщанный Ситситель міра (Агг. 2, 6--9), не трогаютъ окаменѣвшую душу слѣпыхъ вождей народа. Хвала грудныхъ младенцевъ, оглашавшая храмъ, раздражаетъ, приводитъ въ негодованіе Іудейскихъ первосвященниковъ и книжниковъ, и Господь обличаетъ ихъ словами Пророка: „нѣсте ли чли николиже, яко изъ усть младенецъ и ссушихъ совершилъ еси хвалу. (Псал. 8, 3). Исполнилось наконецъ и предсказаніе Господа: Іерусалимъ разрушенъ Римскимъ вождемъ-Титомъ, храмъ сожженъ, Императоръ Римскій Адріанъ прошелъ плугомъ по улицамъ города, а преступный Израиль, распявшій на крестѣ Господа, не пришелъ въ разумъ истины, не созналъ своей вины; девятнадцать столѣтій враждуетъ онъ противъ Христа и враждуетъ до настоящей минуты. Разсѣянный по всему свѣту, но сплоченный единствомъ ложныхъ надеждъ, онъ, какъ прежде, такъ и теперь ожидаетъ Мессію-завоевателя, который собретъ его во едино, оснуетъ на землѣ тысячелѣтнее царство, великое, сильное, и достигнетъ этого не силою правды, не силою оружія, а силою золота, силою ума мятежнаго и разрушительнаго. Цѣною золота уже и теперь пытается Израиль возвратитъ потерянное отечество, потерянный Іерусалимъ, а съ этою цѣлью замышляетъ великое переселеніе на Востокъ, мечтаетъ своею темною силою затмить всемірное царство Христова. Нѣтъ, Израиль, царства Христова не одолѣютъ никакія врата ада, (Мѡ. 16, 18; 28, 20). Напрасны твои мечты: не суть бо совѣты Мои, яко же совѣты ваши, ниже яко же путіе ваши, путіе Мои, глаголетъ Господь. Но якоже отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Мой отъ путей вашихъ и помышленія ваша отъ мысли Моея. (Ис. 55, 8, 9). Гдѣ твои слезы, которыя ты проливалъ при рѣкахъ Вавилонскихъ, оплакивая Іерусалимъ? Ихъ изсушили твое невѣріе,

твое слѣпое ожесточеніе. Гдѣ твоя клятва десницею? Ты забылъ ее. Не возвратить тебѣ Іерусалима. Не къ тебѣ, Израиль, и слова пророка: „не умолкну ради Сіона, и ради Іерусалима не успокоюсь, доколѣ не взойдетъ, какъ свѣтъ правда его, и спасеніе его, какъ горящій свѣтильникъ“ (Ис. 62, 1), а къ дочери новозавѣтнаго Сіона, къ церкви Христовой, и прежде всего къ ея предстоятелямъ, пастырямъ церкви православной. *) Они не умолкнутъ ради Сіона, и ради Іерусалима не успокоятся до тѣхъ поръ, пока правда православія не явится, какъ свѣтъ, и спасеніе ея, какъ горящій свѣтильникъ, пока не окончатся времена невѣденія Бога истиннаго, времена разномыслія, разведенія, раздора и дерзкаго посягательства на разумъ Божій, пока Іерусалимъ, мати церквей христіанскихъ, не возсіяетъ какъ лучезарная, путеводная звѣзда во всей славѣ и величіи.

И какъ умолкнуть о правдѣ православія, какъ умолкнуть о Богѣ Спасителѣ, и Его Божественномъ, вѣчномъ завѣтѣ, какъ успокоиться и умолкнуть, какъ бездѣйствовать и не бороться съ неправдою, какъ не идти со свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ для разсѣянія тьмы человѣческихъ заблужденій, для предупрежденія страшныхъ взрывовъ накопившагося зла, отъ которыхъ содрогается душа, льются потоки слезъ? Какъ умолкнуть и успокоиться о градѣ Іерусалимѣ, и всей Святой Землѣ—Палестинѣ, гдѣ возсіялъ свѣтъ вѣчной правды,—Христось, и озарилъ сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной, гдѣ совершился поворотъ человѣчества отъ запада къ востоку, отъ тьмы къ свѣту. Какъ умолкнуть объ Іерусалимѣ, гдѣ Господь нашъ, Іисусъ Христось совѣшалъ спасеніе міра Своими крестными страданіями, гдѣ садъ Геосиманскій, орошенный каплями Его кроваваго пота, въ которомъ Онъ тужилъ, скорбѣлъ и молился о растлѣнномъ грѣхомъ человѣчествѣ и о чашѣ страданій; гдѣ холмъ Гол-

*) Христ. Чт. 1886 г. Толкованіе на книгу Прор. Ісаія.

гоа, орошенный Его честною кровію, за ны пролитою во оставленіе грѣховъ; гдѣ садъ Аримаѳейскій, и въ немъ гробъ, въ который Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое Тѣло Его, за ны ломимое во оставленіе грѣховъ, покрывъ положи, и изъ котораго Господь въ третій день воскресъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ; гдѣ гора Елеонская, на которой Онъ благословилъ Своихъ учениковъ, и въ виду ихъ, со славою Бога, вознесся на небо, и тамъ уготовалъ мѣсто намъ (Іоан. 14, 24), надъ которою явились св. Ангелы, и возвѣстили св. Апостоламъ, а чрезъ нихъ и всему міру о второмъ, славномъ пришествіи Іисуса Христа на землю для суда; гдѣ Сіонская горница, въ которой Господь на Тайной Вечери установилъ таинство св. причащенія, для тѣснѣйшаго съ Нимъ единенія и полученія жизни вѣчной, въ которой, въ день пятидесятницы, въ шумѣ бури и явленіи огненныхъ языкъ, сошелъ на Апостоловъ Духъ Святой.

Какъ умолкнуть о Святой Землѣ, гдѣ каждая ступень освящена святѣйшими стѣпами Богочеловѣка, гдѣ городъ Вилеємъ, въ которомъ Онъ благоволилъ родиться отъ Духа Свята и Благодатной Дѣвы Маріи, городъ Назареть, въ которомъ Онъ возрасталъ и укрѣплялся духомъ, гдѣ рѣка Іордань, въ которой Онъ воспріялъ крещеніе отъ Іоанна, гдѣ пустыня Іерихонская, въ которой Онъ постился сорокъ дней и ночей, молился предъ явленіемъ міру для проповѣди, гдѣ города: Капернаумъ, Наинъ, Кана и др. въ которыхъ Онъ училъ и творилъ чудеса.

Какъ успокоиться, какъ умолкнуть, когда Іерусалимъ и вся Земля Святая донинѣ въ рукахъ невѣрныхъ, когда святыня христіанства обращена въ предметъ постыдной корысти, служить предметомъ кошунства и глумленій, когда инославные христіане сѣютъ раздоры и сияются погасить православіе.

Внемлите, Пр. Хр., голосу предстоятелей церкви православной, вашихъ пастырей, присоединитесь къ Русскому Православному Палестинскому Обществу, съ стоящимъ во главѣ его, великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ, и покровительствуемому отцемъ русской семьи, Государемъ Императоромъ. Общество съ 1882 года неустанно и дѣятельно работаетъ въ Палестинѣ на охраненіе святыни и православія, на собираемыя пожертвованія оно устраиваетъ тамъ православныя храмы, школы, больницы, пріюты для русскихъ паломниковъ, облегчаетъ трудности путешествія въ Святую Землю и содѣйствуетъ удешевленію стоимости проѣзда, производитъ изысканія Палестины, и знакомитъ насъ съ ея прошлымъ и настоящимъ путемъ печатнаго слова.

Отзовитесь всей душой на его голосъ, призывающій васъ къ посильнымъ жертвамъ. Принесити ваши лепты отъ чистаго сердца и усердія на дѣло великое и святое, съ молитвою, да скорѣе взойдетъ, какъ свѣтъ, правда Іерусалима и спасеніе его, какъ горящій свѣтильникъ, да неугасяемо и въ душѣ вашей горитъ свѣтъ правды Евангельской, да проникнетъ свѣтлый лучъ ея и въ темную душу разномыслящихъ уклонившихся отъ истины православія, и въ душу людей, носимыхъ всякимъ вѣтромъ разрушительныхъ ученій, и подъ ихъ вліяніемъ совершающихъ дѣянія, наводящія страхъ и ужасъ, вызывающія изъ души одни стопы и слезы. Аминь.

Протоіерей Петръ Мазановъ.

РѢЧЬ

Предъ благодарственнымъ молебствіемъ по случаю избавленія отъ опасности г. Оберъ-Прокурора св. Синода К. П. Побѣдоносцева. *)

Не успѣла Россія оплакать одну тяжелую потерю—въ лицѣ безвременно павшаго отъ руки злодѣя Министра Народнаго Просвѣщенія, какъ готовилось ей новое, болѣе сильное испытаніе. Преступный злоумышленникъ думалъ отнять у насъ и другую жизнь, жизнь великаго государственнаго дѣятеля, болѣе 50 лѣтъ со всей энергіей своего ума и воли работающаго на пользу церкви и отечества и чрезъ то поставленнаго въ исключительное положеніе мудраго друга и совѣтника русскихъ царей. Говоримъ о недавней опасности, угрожавшей жизни Оберъ-Прокурора св. Синода К. П. Побѣдоносцева. Сложись какъ-нибудь болѣе благопріятно для преступника обстоятельства,—и не стало бы другого царскаго избранника, не стало бы еще славнаго работника, неизмѣнно служившаго благу русскаго народа на протяженіи четырехъ послѣднихъ царствованій.

Какое же впечатлѣніе, какія мысли въ каждомъ вѣрноподавомъ должны вызвать подобныя унижающія Россію прискорбныя испытанія? Безъ сомнѣнія, самыя грустныя и безотрадныя. Но многіе ли пытались серьезно вдуматься въ окружающее и поразмыслить о причинѣ происходящихъ теперь смуть и нестроеній? Всѣ мы читаемъ и говоримъ по поводу того броженія, въ которое по неопытности вовлечена часть нашего учащагося юношества; немало волнуемся по поводу уличныхъ буйствъ и беспорядковъ, происходящихъ въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи, но многіе ли изъ насъ останавливались на вопросѣ: гдѣ же всему этому кроется

*) Произнесено въ Роменскомъ св.-Духовскомъ соборѣ 18 марта 1901 года.

главный корень и какимъ образомъ можно избавиться отъ указанныхъ испытаній?

Послушаемъ, какъ ветхозавѣтный Пророкъ объясняетъ смыслъ печальныхъ событій въ избранномъ народѣ Божіемъ и поучимся у него пониманію событій нашего времени.

„Внимай, народъ Мой, закону Моему—говоритъ онъ,—приклоните ухо ваше къ словамъ устъ Моихъ. Что слышали мы и узнали, и отцы наши рассказали намъ, не скроемъ отъ дѣтей ихъ, возвѣщая роду грядущему славу Господа, и силу Его, и чудеса Его, которыя Онъ сотворилъ. Онъ постановилъ уставъ въ Иаковѣ и положилъ законъ въ Израилѣ, который заповѣдалъ отцамъ нашимъ возвѣщать дѣтямъ ихъ, чтобы зналъ родъ грядущій и дѣти, имѣющія родиться; и чтобы они въ свое время возвѣщали своимъ дѣтямъ возлагать надежду свою на Бога и не забывать дѣлъ Божіихъ и хранить заповѣди Его.“ (Пс. 77, 1—7). Такимъ образомъ, забвеніемъ и пренебреженіемъ повелѣнія Божія—возвѣщать вновь рождающимся поколѣніямъ законъ положенный въ Израилѣ, утверждать въ нихъ упованіе на Бога и послушаніе Его заповѣдямъ—Пророкъ объясняетъ преступленія народа еврейскаго и постигавшія его бѣдствія.

Теперь обратимся къ своей собственной жизни и спросимъ себя: исполнили ли мы заповѣдь Пророка и сообщали ли нарождающимся поколѣніямъ славу Господа, и силу Его, и чудеса его, которыя Онъ сотворилъ? Онъ возрастилъ насъ въ народъ великій, испыталъ и укрѣпилъ насъ многими скорбями, явилъ въ средѣ нашей мужей спланныхъ вѣрою, разумомъ и мужествомъ, и даровалъ намъ въ обладаніе необозримыя пространства земли, со всевозможными богатствами. А св. церковь Его воспитала въ нашемъ народѣ духъ благочестія съ глубокимъ расположеніемъ къ духовному совершенствованію, преданность своей вѣрѣ съ сознательною вѣротерпимостію, любовь къ ближнимъ, возвышающуюся до

самопожертвованія, часто непонятнаго для другихъ народовъ, расположеніе къ просвѣщенію безъ разногласія его съ вѣрою и, наконецъ, беззавѣтную преданность предержавшимъ властямъ, но безъ раболѣпства, а съ сыновнею любовью и всегдашнею готовностію положить жизнь свою за нихъ и за отечество. Возвѣщали ли мы все это дѣтямъ нашимъ, чтобы они хранили свою св. вѣру, какъ жизнь своего духа, любили св. церковь и были покорны ей, какъ своей матери и воспитательницѣ, свѣтили своимъ чистымъ исповѣданіемъ вѣры не только невѣдующимъ Бога истиннаго, но и народамъ образованнымъ, но утратившимъ чистую Христову истину; чтобы показали міру возможность совмѣщенія высокаго образованія съ послушаніемъ вѣрѣ, и свободы духа и мысли съ покорностію властямъ и ихъ законамъ?—Съ прискорбіемъ въ душѣ мы должны сознаться, что обязанность эта была нами забыта и долгъ нашъ по отношенію къ подрастающему потомству остался безъ исполненія. И вотъ, съ какого времени, съ какого поколѣнія и въ какихъ семействахъ прежде у насъ пресѣкалось это преемственное передаваніе вновь рождающимся дѣтямъ завѣтовъ Божіихъ, тамъ и ищите зародыша и начала настоящихъ печальныхъ событій. Гдѣ родители и воспитатели не умѣли или не хотѣли просвѣтить дѣтей вѣрою въ Бога, тамъ привились вольномысліе и ложныя ученія подъ громкимъ именемъ просвѣщенія; гдѣ не внушали упованія на Бога, тамъ возникли гордость и самоиѣніе, или же отчаяніе и ожесточеніе; гдѣ не позаботились подчинить пробуждающіяся силы и стремленія дѣтей волѣ родительской, тамъ явилось неповиновеніе властямъ; гдѣ не покорили свободу юности заповѣдямъ Божіимъ о честности, любви, цѣломудрїи и трудолюбіи, тамъ виѣдрились пороки, и въ молодыхъ умахъ открылась готовая почва для всякихъ злыхъ сѣмянъ и непризванныхъ сѣятелей. Чему же въ такомъ случаѣ мы

должны удивляться? Собственному невниманію. На кого должны гнѣваться? На самихъ себя за то, что растратили священное, вѣками скопленное богатство нашихъ предковъ, — богатство вѣры и благочестія, и не передали его по наслѣдству своимъ потомкамъ. Съ чего же начать поправленіе нашей разстроенной общественной жизни? Съ подчиненія самихъ себя и еще неиспорченныхъ дѣтей нашихъ уставу, постановленному въ Иаковѣ, и закону, положенному въ Израилѣ. Церковь и церковь — вотъ наше спасеніе! Она наша руководительница; ея духомъ мы можемъ быть крѣпкими; въ ея указанія и наставленія мы имѣемъ свѣтлый, чистый, истинный идеаль могущественнаго и благоустроеннаго народа. Всякое уклоненіе наше изъ — подъ ея руководства есть шагъ къ гибели; всякое необдуманное общественное движеніе, вредящее ея вліянію на народъ, есть ударъ нравственной жизни народа, сбивающій его съ пути закона на путь развращенія.

Будемъ же внимательны къ словамъ ветхозавѣтнаго Пророка и станемъ въ должныя отношенія къ нашему подрастающему поколѣнію! Соберемся съ духомъ, вооружимся нашимъ природнымъ здравымъ смысломъ и поставимъ твердую преграду, чтобы потокъ современныхъ заблужденій не достигалъ нашего потомства. Только тогда мы можемъ спокойно смотрѣть въ лицо будущему и обезпечить до извѣстной степени настоящее. Только этимъ путемъ — путемъ умственного отрезвленія и нравственного исправленія мы можемъ возвратитъ къ себѣ и дѣтямъ нашимъ Божіе благословеніе; и милосердый Господь Своею благодатною силою укрѣпитъ наше дорогое отечество „на тысячи родовъ“. Вознесемъ свои молитвы къ Подателю всѣхъ благъ и за того вѣрнаго царскаго слугу, о которомъ еще Благочестивѣйшій Государь Александръ III въ Высочайшей грамотѣ благоволилъ изъяснить, что награждаетъ его „за неуклонное стремленіе къ

охраненію здоровыхъ началъ народной жизни, и за то, что „усматриваетъ въ немъ надежнаго оберегателя не только вѣшняго, но и внутренняго достоинства православной церкви.“ *) Аминь.

Протоіерей *Дмитрій Дмитревскій.*

Животворящій крестъ Господень и его судьба **).

(Окончаніе).

Но прошли три вѣка тяжелой борьбы. Христіанство крестомъ и кровію своихъ послѣдователей одолѣло и іудейство и язычество. Старый міръ, наконецъ, созналъ свое безсиліе и уступилъ мѣсто кресту и новымъ началамъ жизни. Эта побѣда, побѣдившая міръ, сопровождалась открытіемъ и явленіемъ животворящаго креста Господня, пробывшаго въ землѣ цѣлыхъ три столѣтія.

Орудіемъ Промысла Божія въ дѣлѣ торжества христіанства и обрѣтенія животворящаго древа были римскій императоръ Константинъ Великій и его мать благочестивая царица Елена. Императоръ Константинъ вступилъ на престолъ въ 306 году по Р. Х. въ самый разгаръ послѣдняго гоненія на христіанъ, послѣднихъ усилій язычества одолѣть Распятаго на крестѣ и Его послѣдователей. Воспитанный своей благочестивой матерью Еленой въ началахъ христіанства Константинъ, хотя и былъ еще язычникомъ, первый изъ римскихъ императоровъ созналъ и увидѣлъ, что не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ и что христіанство, побѣдоносно защищавшее въ теченіи трехъ столѣтій свое право на существованіе въ мірѣ кровію и самоотверженіемъ своихъ послѣдо-

*) Высочайш. грам. Оберъ-Прок св. Синода К. П. Побѣдоносцеву.

**) Читано въ Полтавскомъ кафедральномъ соборѣ членомъ Полтавскаго Отдѣла Православнаго Палестинскаго Общества А. М. М. 4 марта 1901 года.

вателей, не может быть побѣждено человѣческой силою и человѣческими средствами. Поэтому тотчасъ, по вступленіи на престолъ, онъ прекратилъ преслѣдованіе христіанъ въ тѣхъ областяхъ государства, которыя находились подъ его непосредственнымъ управленіемъ—въ Галліи, Британіи и Испаніи. Того же самаго Константина потребовалъ и отъ своихъ соправителей, управлявшихъ Италіей и востокомъ имперіи. А вскорѣ затѣмъ послѣдовало событіе, которое окончательно и безповоротно склонило Константина на сторону христіанства, самого его содѣлало христіаниномъ и ускорило обрѣтеніе и всемірное прославленіе животворящаго креста, на которомъ былъ распятъ Искупитель міра. Событіе это—чудесное явленіе креста Господня Константину, послѣдовавшее 28 октября 312 года.

Исторія передаетъ намъ это необычайное явленіе слѣдующимъ образомъ. Въ 312 году правитель Италіи и Рима цезарь Максентій, непримиримый врагъ креста Христова и одинъ изъ жесточайшихъ гонителей христіанства, вступилъ въ братоубійственную войну съ Константиномъ, рассчитывая въ лицѣ его поразить и уничтожить покровительствуемое имъ христіанство. Силы Константина были слабѣ вражескихъ; онъ нуждался въ высшей божественной помощи и искалъ ее, но не у языческихъ боговъ, какъ его противникъ, а у Единого Истиннаго Бога, Которому поклонялись христіане. И вотъ 28 октября 312 года, подвигаясь къ Риму, гдѣ находился Максентій, Константинъ „въ полуденные часы дня, когда солнце начало уже склоняться къ западу, увидѣлъ составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста съ надписью: „*симъ побѣждай*“ (in hoc vince). Это чудесное и необычайное зрѣлище видѣлъ не одинъ Константинъ, но и все его войско,¹⁾ кото-

¹⁾ Что Константинъ не одинъ видѣлъ явившееся ему чудесное знаменіе креста, свидѣтельство объ этомъ кромѣ Евсевія находимъ еще у Филостор-

рое въ ужасѣ, само не зная куда, слѣдовало за нимъ и продолжало созерцать явившееся чуда (Евсев. о жизни Констант. кн. 1, 28 гл.). Ночью Константину во снѣ явился Господь Исусъ Христосъ съ видѣннымъ на небѣ крестомъ и повелѣлъ устроить по образцу его воинское знамя. „Симъ знаменемъ, сказала Господь Константину, ты побѣдишь не только Максентія, но и всѣхъ враговъ твоихъ“. Проснувшись Константинъ приказавъ тотчасъ соорудить изображеніе видѣннаго имъ знаменія. Оно состояло изъ длиннаго, покрытаго золотомъ копья, вверху котораго былъ поперечникъ, образовавшій вмѣстѣ съ копьемъ крестъ. На самой вершинѣ копья находился вѣнокъ изъ драгоценныхъ камней и золота, а на вѣнскѣ двѣ первыя буквы имени Христова. Къ поперечнику копья былъ прикрѣпленъ покрытый драгоценными камнями бѣлый тонкій платъ, а у верхней части послѣдняго подъ знакомъ креста помѣщено было сдѣланное изъ золота грудное изображеніе Константина и его дѣтей. Когда войско Константина, въ которомъ было много христіанъ, увидѣло новое знамя, то воодушившись такимъ мужествомъ и такой отвагой, которыхъ ничто не могло преодолѣть. Максентій былъ разбитъ подъ стѣнами Рима и утонулъ въ Тибрѣ во время бѣгства, а Константинъ овладѣлъ Римомъ и былъ съ восторгомъ встрѣченъ жителями, какъ освободитель отъ ненавистнаго тирана и

гя, который въ своей исторіи приводитъ весьма важное въ данномъ случаѣ показаніе исповѣдника Артемія, бывшаго въ войскѣ Константина и самолично видѣвшаго чудесное событіе 28 октября 312 года. „Христосъ свыше призвалъ Константина, говорилъ Артемій Юліану Отступнику, когда онъ велъ войну противъ Максентія, показавъ ему въ полдень знаменіе креста луцезарно сіявшее надъ солнцемъ и звѣздовидными римскими буквами предсказавшее ему побѣду на войнѣ. Бывъ сами тамъ, мы видѣли его знаменіе и читали буквы, видѣло его и все его войско: много свидѣтелей этому и въ твоёмъ войскѣ, если только ты захочешь спросить ихъ“ (Истор. Филостергія, 45).

мучителя. И когда ему, по обычаю того времени, поставили статую на самомъ людномъ мѣстѣ Рима, онъ немедленно приказалъ утвердить въ рукѣ своего изображенія копье въ видѣ креста съ надписью: „симъ спасительнымъ знаменіемъ, истиннымъ свидѣтельствомъ мужества, я спасъ и освободилъ городъ нашъ отъ ига мучителя и возвратилъ Римскому сенату и народу свободу, прежній блескъ и знаменитость“ (Евсев. о жизни Константина кн. 1, гл. 40).

Что касается спасительнаго знамени, столь чудесно прославившаго св. крестъ, то Константинъ повелѣлъ его всегда носить въ своемъ войскѣ; и съ той поры старые римскіе орлы, подъ стѣною которыхъ римляне въ теченіи тысячи лѣтъ побѣждали враговъ, окончательно уступили свое мѣсто новому побѣдному знамени, побѣдившему міръ, кресту Христову. А самъ Константинъ силою креста одолѣлъ всѣхъ своихъ враговъ и еще два раза удостоился чудеснаго видѣнія того святѣйшаго орудія, которое онъ избралъ себѣ въ знаменіе побѣды. Во второй разъ Господь явилъ знаменіе креста своему избраннику въ 324 году, во время борьбы Константина съ послѣднимъ по тому времени могущественнымъ врагомъ креста Христова и христіанства Августомъ Лициніемъ, управлявшимъ востокомъ имперіи. Чудесное видѣніе послѣдовало ночью подъ стѣнами города Византія, нынѣшняго Царьграда. Константинъ опять увидѣлъ на небѣ крестъ, слившійся изъ звѣздъ и вокругъ его надписъ звѣздовидными римскими буквами: „*симъ побѣдими*. *Призови мя въ день скорби твоея и избавлю тя и прославиши Мя*“ (Исл. XLIX). Въ послѣдовавшей затѣмъ битвѣ Константинъ одолѣлъ Лицинія и сдѣлался единодержавнымъ повелителемъ и востока и запада Римской имперіи.

Въ третій разъ чудесное видѣніе креста на небѣ послѣдовало Константину во время войны съ скиѣми на рѣкѣ Дунай и сопровождалось рѣшительной побѣдой надъ врагами.

Столь явное промышленіе и помощь Госнода наполнили сердце Константина любовью и глубочайшей благодарностью къ Нему. И онъ началъ помышлять о томъ, чтобы отыскать и прославить святѣйшее орудіе, образъ котораго сдѣлался его побѣднымъ знаменемъ и постоянно жилъ въ душѣ и сердцѣ. Помощницей царя въ осуществленіи этого святого намѣренія была мать его Елена. Она, подобно Константину, поставила цѣлью своей жизни обрѣсти животворящій крестъ Того, Который избралъ ея сына орудіемъ въ побѣдѣ креста Своего надъ міромъ. И лишь только Константинъ послѣ побѣды надъ Лициніемъ сдѣлался обладателемъ востока имперіи, а, слѣдовательно, и Палестины, мѣста священныхъ событій земной жизни и смерти Господа, Елена тотчасъ приступаетъ къ исполненію своей завѣтной цѣли. Весною 326 она прибыла въ Іерусалимъ, освобождая на пути христіанскія святыни отъ поруганія. Іерусалимскій патріархъ Макарій съ подобающею честью встрѣтилъ царицу и оказалъ ей ревностное содѣйствіе въ осуществленіи ея завѣтнаго желанія, которое было въ то же время пламениѣйшимъ желаніемъ его самого и всѣхъ истинныхъ послѣдователей Господа Іисуса. И патріархъ и царица дѣятельно приступили къ поискамъ. Задача, предстоявшая имъ, была, конечно, не изъ легкихъ. Іерусалимъ былъ не тотъ, что триста лѣтъ назадъ во время земной жизни Господа. Свидѣтелей страданій и смерти Христовыхъ уже не было въ живыхъ, а изъ тогдашнихъ христіанъ никто опредѣленно даже не зналъ, гдѣ находится Лобное мѣсто, на которомъ пролилъ Свою кровь и умеръ за грѣхи міра Сынъ Божій, такъ какъ язычники еще въ 119 году по Р. Х., по повелѣнію императора Адріана, завалили и Голгѣу и пещеру воскресенія землею, замостили камнемъ и закрыли храмомъ въ честь богини Венеры. Требовалось много труда и усилій для успѣшнаго выполненія того святого дѣла, ради ко-

того Елена прибыла въ Иерусалимъ. Требовалась и помощь свыше.

Послѣ долгихъ поисковъ среди іудеевъ, проживавшихъ въ то время въ Иерусалимѣ, нашелся одинъ старецъ по имени Иуда ¹⁾, который на основаніи хранившагося въ его семьѣ преданія зналъ, гдѣ находится животворящій крестъ. Онъ однако долго не соглашался открыть своей тайны и только послѣ того, какъ Елена стала угрожать ему мученіями, указалъ мѣсто сокрытія животворящаго креста подъ языческимъ храмомъ. По повелѣнію царицы, храмъ былъ разрушенъ, а мѣсто подъ нимъ разчищено. Такимъ образомъ открыты были и лобное мѣсто и пещера гроба Господня, а невдалекѣ отъ нихъ найдены были три креста, терновый вѣнецъ, гвозди и дощечка съ надписью по—еврейски, гречески и римски: „Исусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій.

Но являлся самъ собою вопросъ, какой изъ трехъ крестовъ былъ животворящимъ древомъ, такъ какъ всѣ три креста походили другъ на друга и лежали вмѣстѣ, а дощечка съ надписью находилась отдѣльно отъ нихъ. Чтобы не воздать поклоненія кресту разбойника и узнать истинный крестъ Христовъ, патриархъ, царица и народъ обратились съ молитвой къ Господу и, преклонивъ колѣна, просили Его явить Свое свидѣтельство. Господь внялъ горячей молитвѣ Своихъ послѣдователей и явилъ имъ высшее свидѣтельство силою самого же животворящаго креста. Кресты поочереди одинъ за другимъ были возложены на гробъ умершаго и на одръ тяжело больной женщины. И лишь только былъ возложенъ животворящій крестъ Господень, мертвый воскресъ, а больная совершенно исцѣлилась отъ недуга (Созом. кн. II, гл. I; Никиф. Каллистъ кн. VIII, гл. 29). Такимъ образомъ, крестъ Христовъ снова озарилъ и

¹⁾ Иуда впоследствии увѣровалъ въ Христа и былъ епископомъ Іерусалимскимъ съ именемъ Кириака. Память его 28 октября.

осѣниль Голгоѳу, а съ нею и весь міръ. Патріархъ, царица и бывшая съ нею свита благоговѣнно поклонились святѣйшему древу, запечатлѣнному пречистою кровію Распятаго на немъ Господа славы. Но народъ, собравшійся въ несмѣтномъ количествѣ у Голгоѳы, за тѣснотою не могъ удостоиться такого великаго счастья, а между тѣмъ многіе горѣли желаніемъ покрайней мѣрѣ хоть увидѣть это драгоцѣннѣйшее орудіе нашего спасенія. Тогда патріархъ, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ и воздвигая вверхъ животворящій крестъ, показалъ его народу. Народъ съ благоговѣніемъ взиралъ на святой крестъ и возглашалъ: „Господи, помилуй!“ Событіе это происходило на второй день Пасхи 326 года.

Императрица Елена въ память обрѣтенія честнаго животворящаго креста заложила на мѣстѣ страданій Христовыхъ „храмъ Воскресенія“ и отбыла изъ Іерусалима, взявъ съ собою часть животворящаго древа въ благословеніе своему сыну Константину. Обрѣтеніе креста постановлено было праздновать на второй день Пасхи. Но девять лѣтъ спустя, въ 335 году, когда отстроенъ былъ храмъ Воскресенія, заложенный Еленою, епископы, собравшіеся на освященіе его со всѣхъ сторонъ извѣстнаго тогда міра, постановили праздникъ Обрѣтенія и Воздвиженія животворящаго креста считать всемірнымъ и праздновать его ежегодно 14 сентября ¹⁾. Животворящее древо послѣ поклоненія ему положено было въ серебряный крестообразный ковчегъ, устроенный для него императрицей Еленой, и поставлено на храненіе въ храмъ Воскресенія. Отсюда оно въ великую пятницу и въ день Обрѣтенія и Воздвиженія износило было на Голго-

¹⁾ Всеобщее празднество Воздвиженія креста Господня 14 сентября вошло въ церковное употребленіе значительно позже 335 года; такъ Павлинъ, епископъ Нолапскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 393 г. говорилъ, что когда бываетъ Пасха Господня, то въ Іерусалимѣ крестъ выносятся для поклоненія народу (XI письмо къ Северу).

оу для поклоненія и здѣсь же его благоговѣнно чествовали безчисленные поклонники, стекавшіеся изъ разныхъ странъ христіанскаго міра въ Палестину для посѣщенія священныхъ мѣстъ жизни, страданій и смерти Распятаго на крестѣ. И вѣроятно нѣкоторые изъ нихъ еще въ тѣ, отдаленные отъ насъ вѣка, удостоивались получить въ благословеніе себѣ по частицѣ животворящаго древа, обогрѣннаго пречистою кровію Господа. По крайней мѣрѣ еще въ IV вѣкѣ, вскорѣ послѣ обрѣтенія креста Христова, одинъ изъ знаменитыхъ отцовъ Церкви Кириллъ Іерусалимскій говорилъ, что „вся вселенная имѣеть уже части древа „крестнаго“ (Огласит. слов. 4, 10), а Іоаннъ Златоустъ писалъ, что въ его время „многіе, обложивъ золотомъ частицу креста, носили при себѣ на шеѣ“ (Слово противъ Іудеевъ и язычн., 10).

Спустя три вѣка со дня обрѣтенія животворящаго древа совершилось новое событіе, прославившее крестъ Господень. Въ 614 году Палестиной и Іерусалимомъ овладѣлъ Хозрой, царь персидскій. Ревностный язычникъ Хозрой изъ ненависти къ христіанамъ разграбилъ Іерусалимъ, разрушилъ многія христіанскія святыни и между прочимъ храмъ Воскресенія, въ которомъ хранился животворящій крестъ Христовъ; самое же древо креста вмѣстѣ съ патріархомъ Захаріей и другими христіанами отправилъ въ плѣнъ въ Персію. Четырнадцать лѣтъ пролужалось пребываніе животворящаго креста въ плѣну у персовъ. Но это послужило только къ большему его величію и большей славѣ. Многіе персы обратились ко Христу, а язычники въ страхѣ думали, что Самъ Богъ христіанскій пришелъ въ Персію. Хозрой, не смотря на всю свою ненависть къ христіанству, не осмѣлился открыть даже ковчегъ, въ которомъ находился крестъ Христовъ.

Греческій императоръ Ираклій, владѣвшій въ то время Палестиною, рѣшилъ во что-бы то ни стало возвратить христіанскому міру его величайшую святыню и вступилъ

въ ожесточенную борьбу съ персами. Борьба продолжалась съ переменнымъ счастьемъ до 628 года. Въ 628 году преемникъ Хозроя, сынъ его Сирой, силою греческаго оружія принужденъ былъ заключить миръ съ императоромъ Иракліемъ и возвратилъ плѣнныхъ и животворящій крестъ. Императоръ съ честью встрѣтилъ св. крестъ въ Константинополѣ, а затѣмъ въ слѣдующемъ 629 году отправился съ нимъ въ Іерусалимъ, чтобы снова водворить его на мѣстѣ прежняго обитанія и тамъ же у святыхъ мѣстъ поблагодарить Бога за побѣды надъ врагами и возвращеніе святаго древа.

По прибытіи въ Іерусалимъ, императоръ еще у горы Елеонской, нѣкогда освященной пребываніемъ на ней Госнода, встрѣченъ былъ возвратившимся изъ плѣна патріархомъ Захаріей и іерусалимскими христіанами съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Отсюда Ираклій, облеченный во все знаки императорскаго достоинства, самъ понесъ на своихъ плечахъ животворящій крестъ, чтобы поставить его на прежнее мѣсто въ храмъ Воскресенія. Черезъ весь крестный путь императоръ торжественно несъ святой крестъ, но у такъ называемыхъ красныхъ вратъ, которыя ведутъ на Голгоѳу, невидимая сила остановила крестъ и императора. Патріархъ Захарія, сопровождавшій Ираклія, внушилъ ему, что невозможно въ царскомъ величіи и доспѣхахъ нести древо жизни и безсмертія тамъ, гдѣ Самъ Владыка твари и Господь славы несъ его въ смиренномъ образѣ раба. Императоръ подчинился внушенію патріарха и на другой день, послѣдую вольному смиренію Господа, въ простой одеждѣ и босой внесъ животворящій крестъ на Голгоѳу и поставилъ его на томъ мѣстѣ въ храмѣ Воскресенія, откуда онъ былъ похищенъ Хозроемъ. Въ храмѣ патріархъ, по древнему обычаю, совершилъ обрядъ возвышенія, а народъ, видя святой крестъ возвратившимся въ прежнее его вели-

чи, съ восторгомъ взываль: „Господи, помилуй!“ (Патр. Досно. ист. кн. VI, гл. 6) ¹⁾.

Вскорѣ однако Іерусалимъ лишился животворящаго древа. Незадолго до возвращенія его изъ Персіи въ сосѣдней съ Палестиною Аравіи народилась новая враждебная кресту Христову сила, съ которой и мы православные русскіе христіане неоднократно уже боролись за вѣру и крестъ. Эта враждебная кресту Христову сила—мусульманство. Появившійся около 622 года по Р. Х. въ Аравіи, оно быстро охватило собою восточныя страны. Въ 629 году, т. е., въ томъ самомъ году, когда животворящій крестъ былъ возвращенъ изъ персидскаго плѣна, арабы мусульмане напали на Палестину. Императоръ Ираклій, уступая натиску мусульманскаго фанатизма, оставилъ Палестину и, уходя взялъ съ собою животворящее дерево, дабы оно не подверглось поруганію со стороны невѣрныхъ. Впослѣдствіи однако святѣйшее дерево снова возвращено было въ Палестину, только неизвѣстно когда и кѣмъ. Но христіане долгое время, до самаго конца XI вѣка, не могли воздать ему открытаго чествованія и поклоненія, такъ какъ мусульмане арабы, въ 637 г. завладѣвшіе окончательно Палестиною и Іерусалимомъ, смотрѣли на почитаніе св. креста, какъ на идолопоклонство. Много мученій и преслѣдованій претерпѣли въ это время Іерусалимскіе христіане отъ невѣрныхъ за вѣру и крестъ, но святыню Господню тщательно хранили отъ поруганія и оскорбленія.

Въ концѣ XI вѣка крестъ Христовъ на нѣкоторое время снова открыто возсіялъ надъ Палестиною и Іерусалимомъ. Западныя христіане, одушевленные любовію къ мѣсту

¹⁾ Возвращеніе креста Христова изъ персидскаго плѣна Церковь празднуетъ въ одинъ день съ воздвиженіемъ, только съ этого времени самый праздникъ Воздвиженія получилъ болѣе торжественный характеръ и соединенъ съ постомъ, какъ день, посвященный воспоминанію уничиженія и воздвизанія сянченія Господа

земной жизни и страданій Господа, составили около этого времени нѣсколько крестоносныхъ ополченій для освобожденія святой земли и христіанскихъ святынь отъ ига невѣрныхъ и 14 іюня 1099 года овладѣли Іерусалимомъ. При видѣ животворящаго креста, крестоносцы, по словамъ лѣтописи, пришли въ такой восторгъ, какъ будто созерцали Самое Тѣло Христа, на немъ пригвожденное. Крестъ торжественно былъ носимъ по улицамъ Іерусалима и затѣмъ снова поставленъ въ храмъ Воскресенія Христова, гдѣ онъ вѣкогда находился. Отсюда крестоносцы, основавшіе въ Іерусалимѣ свое королевство, брали его съ собою въ битвы съ невѣрными и силою его неоднократно одерживали побѣды ¹⁾ тамъ, гдѣ, по расчетамъ человѣческимъ, не было никакой надежды на успѣхъ. ²⁾ Храненіе животворящаго креста въ битвахъ обычно поручаемо было десяти наиболѣе почетнымъ и храбрымъ рыцарямъ. Но религіозное одушевленіе крестоносцевъ скоро прекратилось; они стали враждовать между собою, а чрезъ это лишились не только покровительства св. креста, но и его самого. Въ битвѣ при Тиверіадѣ 2 іюля 1186 г.—они были разбиты султаномъ Саладиномъ, при чемъ животворящій крестъ взятъ былъ въ плѣнъ арабами и отнесенъ въ Багдадъ (Мишо истор. крест. поход. т. 2, кн. V). Греческій императоръ и Грузинскій царь предлагали Саладину значительный выкупъ за святой крестъ, не безуспѣшно. 36 лѣтъ древо креста находилось въ плѣну у Саладина и его преемниковъ и только 8 сентября 1221 г. было возвращено христіанамъ. Вскорѣ пос-

¹⁾ 1100 г.—1118 г. На Аскалонскомъ полѣ при Балдуинѣ I и Балдуинѣ II (Мишо, истор. крест. т. I, кн. 4).

²⁾ Такова битва въ странѣ Траховитской подъ Вострой. Крестоносцы испытывали невыносимыя бѣдствія отъ тучи непріятельскихъ стрѣлъ, отъ огня и дыма среди горящаго тернія. Но когда епископъ Назаретскій, несшій св. крестъ, воздвигъ его съ молитвой о помилованіи, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе (Мишо, истор. крест. поход. т. I, кн. V).

лѣ этого въ 1245 г. рыцари окончательно были изгнаны арабами изъ Палестины. Святой крестъ, по удаленіи ихъ, перешелъ къ мѣстнымъ палестинскимъ христіанамъ изъ грековъ и съ той поры постоянно пребывалъ въ Іерусалимѣ. Пребываетъ тамъ и въ настоящее время и хранится въ особомъ ковчегѣ въ соборной греческой церкви на Голгоѣ, но не въ такомъ, разумѣется, видѣ, въ какомъ онъ былъ найдень св. Еленой. Объемъ его за время владычества крестоносцевъ въ Палестинѣ значительно уменьшился, такъ какъ многіе рыцари въ награду за свои труды не желали получать ничего другого, кромѣ частицъ животворящаго древа, которыя они потомъ уносили съ собою на родину. Одна изъ такихъ частицъ между прочимъ была принесена въ 1109 году въ Парижъ и положена въ церкви св. Клавдія (Дебольскій. Дни Богосл. правосл. церк. стр. 94). Есть частицы животворящаго древа въ Венеціи, Римѣ, Константинополѣ и другихъ городахъ Европы и Азіи.

Такимъ образомъ, животворящее древо по частямъ распространилось по всѣмъ концамъ вселенной, ради которой Господь *благоволилъ плотию взыти на крестъ*. Между прочимъ и мы православные русскіе христіане въ этомъ отношеніи не обездолены въ ряду другихъ послѣдователей Распятаго на крестѣ. Частицы животворящаго древа есть и въ нашихъ столицахъ: Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ (*ibid.*). И если, по слову апостола, христіанамъ болѣе всего подобаетъ *хвалиться крестомъ Христовымъ* (Галат. IV, 14), то, слѣдовательно, и мы можемъ *похвалиться* тѣмъ животворящимъ древомъ крестнымъ, на немъ же распялся Христосъ и имъ же явился общее всѣмъ царство, царство правды, мира и всепрощенія, упованія и любви.

А. Милосердовъ.

По поводу посланія Св. Синода о графѣ Львѣ Толстомъ.

(Окончаніе *)

Свидѣтельствую объ отпаденіи графа Льва Толстого отъ Церкви, Св. Синодъ вмѣстѣ съ тѣмъ возносить молитвы, „да подасть ему Господь покаяніе къ познанію истины и обратитъ ко святой Церкви“.

Велика сила молитвы, она привлекаетъ Божию благодать. Но для воспріятія этой благодати со стороны человѣка требуется свободное изволеніе и соответствующее настроеніе, для этого нужна чистота помысловъ, намѣреній и чувствованій, нужна почва подготовленная, воспріимчивая къ вѣянью Духа, который „идѣже хоцеть, дышетъ“. Внутренній міръ Толстого представляетъ ли собою эту почву?

Отмѣтимъ кратко главные моменты процесса внутренней жизни Толстого и укажемъ существенныя черты его душевнаго настроенія.

Было время, когда Толстой близокъ былъ къ тому, чтобы сдѣлаться истиннымъ сыномъ Церкви Православной. Это было тогда, когда очнувшись отъ угара свѣтской жизни и ища разрѣшенія мучительнаго вопроса о смыслѣ жизни, онъ вмѣстѣ съ Левинымъ пытался проникнуть въ тайники народнаго духа и узнать, тѣмъ живетъ, что таить въ могучей груди своей этотъ таинственный, непонятный сфинксъ богатырь-народъ. Здѣсь онъ нашель то, что спасло его отъ самоубійства—вѣру въ Бога. Но такъ какъ вся его прошлая, почти полувѣковая жизнь была слишкомъ богата впечатлѣніями, питавшими чувственность и гордость, то естественно, что Толстой, не имѣя богатства и широты опыта внутренняго, духовнаго, опыта „духа цѣломудрія, смиренно-

*) См. № 9-й неофф. части Полтавск. Епарх. Вѣдом 1901 г.

мудрія, терпѣнія и любви“, не могъ проникнуть въ душу народную такъ глубоко, какъ это сдѣлалъ гениальный Достоевскій. Поэтому онъ и не нашель зѣсь того Христа, Котораго носить въ сердцѣ своемъ, съ Которымъ живетъ и страдаетъ православный русскій народъ.

Вмѣстѣ съ народомъ Толстой близко подошелъ къ Церкви Православной и нѣкоторое время даже усердно выполнялъ ея обряды, вѣря, что въ томъ вѣроученіи, которому онъ хотѣлъ слѣдовать, была истина. Но, къ сожалѣнію, сближеніе его съ Церковью не пошло далѣе выполненія обряда. Незнакомство или непониманіе рѣшенія „вопросовъ жизни“, предлагаемаго Церковью, сдѣлало для него невозможнымъ общеніе съ православіемъ. Воспитанный въ „просвѣщенныхъ понятіяхъ большаго свѣта“, по которымъ понятіе Церкви равносильно „грязному, косматому, жадному попу“, „грубому, невѣжественному идолопоклоннику — мужику“, да „запаху ладона и пестнаго масла“, такъ претящаго утонченному великосвѣтскому обонянію, Толстой, естественно, видѣлъ въ Церкви одну только внѣшность, и не могъ замѣтить той внутренней связи, какая существуетъ между членами живаго организма Церкви, какъ Тѣла Христова. Вступивъ въ общеніе съ Церковью внѣшнее, формальное, состоящее въ выполненіи одного лишь обряда, Толстой не вошелъ съ нею въ общеніе „духа и силы“. Смотри на Церковь сквозь узкую призму традиціи „большаго свѣта“, давно уже переставшаго свѣтить нашему темному народу, онъ не замѣтилъ въ ней духа той живой, въ теченіе вѣковъ питающей многомилліонныя массы православнаго русскаго народа, церковной традиціи, которая, передаваясь отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ непрерывною струею течетъ въ ней со времени основанія Церкви Христомъ и Апостолами, неся въ свѣтлыхъ волнахъ своихъ чистое вселенское церковное самосознаніе.

Понятно, поэтому, что когда Толстой, въ первый разъ, послѣ многихъ лѣтъ желая причаститься, подошелъ къ царскимъ дверямъ и долженъ былъ вслѣдъ за священникомъ повторять извѣстные слова, исповѣдуя свою вѣру въ принятіе истиннаго Тѣла и Крови Христовыхъ, то его, по собственному признанію, „рѣзнуло по сердцу“. „Душевный человѣкъ“ не принялъ того, что „отъ Духа Божія, и эти „жестокія“ еще для невѣрующихъ учениковъ Христовыхъ слова почелъ за „безуміе“. Очевидно, высокія истины христіанскаго ученія не глубоко проникли въ сознаніе Толстого; скользя по поверхности онѣ достигли только „плотнаго“ ума, который не можетъ разумѣть того, о чемъ надо судить „духовно“. Видя вмѣстѣ съ невѣровавшими и соблазнявшимися Іудеями во Іисусѣ Христѣ „плотника, сына Іосифа и Маріи, братьевъ и сестеръ котораго всѣ знали“, Толстой не уразумѣлъ христіанской тайны *воплощенія*, по которой Божество для спасенія падшаго человѣчества снизошло до принятія истинной плоти человѣческой, а потому не уразумѣлъ и другой, тѣсно связанной съ нею, тайны *искупленія*. Если Христосъ, — „истинный Богъ и жизнь вѣчная“, — пріискренивъ пріобщился нашей плоти и крови, чтобы приблизить и низвести къ намъ жизнь Божественную, сдѣлавъ ее для насъ удобовоспріемлемою, то и мы, чтобы быть участниками этой жизни, должны войти въ живѣйшее и тѣснѣйшее общеніе со Христомъ, должны соединиться съ Нимъ, какъ вѣтви съ истинною виноградною Лозою, какъ члены Его тѣла съ Главою, должны *питаться* Имъ, чтобы *жить* Имъ (Іоан. VI, 57). Конечно, „душевный“ человѣкъ не можетъ понять тайны „безсѣменнаго зачатія и вкушенія подь видомъ хлѣба и вина истиннаго „Хлѣба жизни“, и склоненъ считать это „безуміемъ“.

Но тотъ, для кого „безумное“ Божіе премудрѣе „человѣковъ“, кто воспринимаетъ христіанскія истины не однимъ

разумомъ кичащимъ, но всѣмъ своимъ существомъ, всѣми силами души,—по природѣ христіанки, и съ такою радостью откликающейся на чудный призывъ Христа слѣдовать за Нимъ, тотъ ясно видитъ внутреннюю насущную необходимость христіанскихъ тайнъ воплощенія и искупленія для нравственной жизни человѣка и, всецѣло проникаясь ими, онъ самъ преобразуется, дѣлается новымъ твореніемъ во Христѣ.

Къ сожалѣнію, Толстой не воспринялъ этихъ истинъ такъ глубоко, онъ вѣрою не постигъ того, что если въ тайнѣ воплощенія Божество снизошло до принятія плоти человѣческой, то въ тайнѣ искупленія человѣчество возвышается до принятія плоти Божественной. Поэтому, когда слова объ истинной плоти и крови Христовыхъ коснулись его, не оглашеннаго словомъ Евангельской истины, слуха, то его рѣзнуло, по жесткому, холодному, не согрѣтому спасительной „баней пакибытія“, неузвленному любовію Креста Христова, сердцу.

Правда, скрывъ подъ маской „самоуничженія и смиренія“ неволью вспыхнувшее въ немъ недоброе чувство раздраженія, Толстой пріобщился, какъ онъ самъ говоритъ, „безъ кощунственныхъ чувствъ“. Но онъ не сталъ причастникомъ той, искомой имъ истинной, имѣющей смыслъ, жизни, которая есть вѣчная жизнь со Христомъ. Недостаточно „испытавъ себя“, Толстой „ѣлъ и пилъ недостаточно“, а потому не испыталъ сладостныхъ ощущеній души, достойно встрѣтившей Жениха-Христа. Тотъ духъ, который нѣкогда владѣлъ рукою Евы, когда она срывала запрещенный плодъ съ древа познанія добра и зла, смутилъ Толстого, когда онъ готовился достойно вкусить благословенный плодъ отъ Древа Жизни, и доброе сѣмя пало на почву невоспріимчивую, изсушенную ядомъ скепсиса.

Съ тѣхъ поръ Толстой пересталъ пріобщаться....

Прекративъ всякое общеніе съ Церковью, Толстой, однако, не скоро успокоился. Въ его жизни отмѣчается длинный, еще ранѣе начавшійся и позже продолжавшійся, періодъ исканія истины. Въ началѣ тяжелый и мучительный, едва не завершившійся печальной катастрофой самоубійства, онъ постепенно терялъ свой острый характеръ, и Толстой на время приобрѣлъ спокойствіе чловѣка, умъ котораго, усталый послѣ долгихъ, бесплодныхъ поисковъ истины, подъ благовиднымъ предлогомъ вовсе отказывается найти ее. Не замѣчая, что время утрачено въ бесплодныхъ шатаніяхъ и блужданіяхъ колеблющейся мысли, Толстой успокоился на томъ хитросплетенномъ коварнымъ разумомъ, -- который, долге время не находя истины, хочетъ увѣрить себя, что онъ нашелъ ее, — самопротиворѣчивомъ положеніи, будто истина находится въ самомъ *процессѣ исканія* ея.

Этимъ обманчивымъ положеніемъ, конечно, не только оправдывались всѣ тѣ противорѣчія и тѣ, всѣхъ здраво-мыслящихъ людей удивлявшіе парадоксы, которые доселѣ высказывались ищущимъ истины Толстымъ, но не давалось разрѣшеніе и впредь дѣлать тоже, безъ всякой надежды найти когда-либо ту Истину, которая одна можетъ дать истинный, не призрачный покой.

Поэтому-то, ища истины, Толстой не нашелъ той единой Истины вѣчносущей, Которая, „множественно и многообразно вѣщающая отцамъ чрезъ пророчесъ, въ послѣдніе дни возглаголала намъ въ Сынѣ“, возвѣстившемъ о Себѣ: „Я есмь путь и истина и жизнь *)“. Поэтому то, ища смысла жизни, онъ не нашелъ того единого Божественнаго Смысла (Логоса), Который, открывая Себя „частично и посредствомъ путей естественныхъ въ разумѣ древнихъ философовъ, по исполненіи времени, вполне и всецѣло открылъ Себя въ Упостасномъ

*) Евр. I, 1—2. Іоан. XIV, 6.

Словѣ, пришедшемъ во плоти^а, въ Которомъ „обитаєтъ вся полнота Божества тѣлесно“, Который єсть „Алфа и Омега, начало и конецъ“, „Образъ Бога Невидимаго“ и „сіяніе Его Славы **“)“. Отблескъ „Отца свѣтовъ“ въ Сынѣ достигъ сознанія Толстого, преломившись сквозь обманчивую призму новѣйшаго языческаго лжеименнаго гнозиса; поэтому, вмѣсто Христа Спасителя, вѣчнымъ блескомъ *примиренія* въ ясномъ сознаніи Церкви вселенской сіяющаго и всякую грѣшную человѣческую душу, „скорбящую же и озлобленную и помощи Божіей требующую“, къ Себѣ призывающаго, — предъ нимъ предсталъ блѣдный, переходящій образъ учителя и мудреца земнаго, который предписываетъ страждущему человечеству рецепты, но не даетъ лѣкарства.

Не согрѣтый животворнымъ лучемъ истины Божественнаго Логоса, непросвѣщенный „Свѣтомъ въ откровеніе языковъ“, Толстой, желая уразумѣть такъ художественно изображаемую имъ дѣйствительность, разсматриваетъ ее при тускломъ, блѣдномъ свѣтѣ блуждающихъ огоньковъ, тамъ и сямъ едва мерцающихъ въ безбрежномъ морѣ буддійской нирваны и гегелевскаго абсолютнаго „ничто“.

Не удивительно, если при такомъ невѣрномъ свѣтѣ онъ невѣрно опредѣляетъ діагнозъ болѣзни и потому предлагаетъ вредныя, ядовитыя лѣкарства.

Желая уврачевать міръ отъ разъѣдающихъ его язвъ и недуговъ, Толстой указываетъ новые устои жизни, забывая, или вѣрище, потемняя самородный блескъ „драгоценнаго Камня“, отъ вѣка положеннаго во главу угла, и представляющаго единственнае прочное и неизблемое основаніе, на которомъ долженъ строить всякій, кто хочетъ строить не на пескѣ. Надѣленный отъ Бога десятью талантами, гордо онъ выступаетъ самъ, „во свое имя“, самообольщаясь, будто

**) Іоан. I, 14. Кл. Ал. Іуст. Фил. Кол. II, 9. Откр. I, 8. Кол. I, 15. Евр. I, 3.

онъ „творить волю Пославшаго“. и кощунственно прилѣняя къ себѣ эти слова Спасителя, принимается за дѣло, которое ему не поручено. Въ увлеченіи онъ рубить направо и налѣво, не замѣчая, что вмѣстѣ съ сухими вѣтвями подь его ударами падаютъ и здоровыя, питающіяся соками, идущими прямо изъ корня, и вмѣсто ширококѣтвистаго дерева въ результатѣ получается одинъ оголенный стволъ.

Бракъ, семья, государство, Церковь, наука, искусство, — все это подвергается имъ жестокой критикѣ, которая не удерживается въ должныхъ границахъ критики основательной, но переступая ихъ, теряетъ равновѣсіе, и незамѣтно достигаетъ того кульминаціоннаго пункта, откуда всѣ вещи созерцаются сквозь призму самообольщеннаго кичливаго разума, вѣрѣ Христовой не покоряющагося. Отсюда, съ этой вершины, Толстой разсматриваетъ міръ сей, во злѣ лежащій, до него доносятся вопли и стоны изъ этой юдоли плача, онъ искренно хочетъ помочь страждущему человечеству, но ... въ легкой дымкѣ потемняющаго ясность сознанія горделиваго самообольщенія предъ нимъ, вмѣсто возвѣщеннаго Христомъ Евангелія Царствія, вырисовываются причудливые силуэты его собственного фантастическаго царства.

Какъ художникъ, такъ тонко анализирующій проявленія зла во всѣхъ его видахъ, даже до самыхъ тайныхъ и сокровенныхъ изгибовъ и движеній сердечныхъ, какъ мыслитель, Толстой не возвысился до дивнаго *синтеза*, какимъ разрѣшается проблема зла въ христіанствѣ. Случайно остановивъ взоръ свой на словахъ Спасителя: „не противься злему“ (Мѡ. V, 39), онъ вдругъ увидѣлъ въ нихъ ключъ къ уразумѣнію смысла христіанскаго ученія и средство къ избавленію человечества о злѣ всѣхъ золъ и бѣдствій. Ослѣпленный и пораженный этимъ внезапно открывшимся ему, расширеннымъ, одностороннимъ, и несогласованнымъ съ

другими мѣстами Евангелія смысломъ отрывочно истованныхъ словъ, Толстой не выразумѣлъ основаній идеи христіанства, въ *Богочеловѣкъ Господь Іисусъ Христъ*, нашемъ Спасителѣ и Искупителѣ, вѣчнымъ блескомъ *примиренія* сіяющей. Поэтому такъ мастерски, художественно изображая всѣ малѣйшія детали и самыя сложныя перипетіи вѣковой борьбы добра со зломъ, онъ не усмотрѣлъ въ широтѣ христіанскаго міровоззрѣнія основнаго закона, управляющаго ходомъ и изъясняющаго смыслъ этой борьбы.

Великая жертва Голговская не была понята Толстымъ въ ея всеобъемлющемъ, всемірно-искупительномъ значеніи. Жизнодавецъ, „на крестѣ рудѣ простершій“ и „кровію креста Своего земное съ небеснымъ примирившій, не предсталъ его духовному взору въ царственномъ величіи Богочеловѣка, „снизшедшаго въ преисподнія земли и адъ умертвившаго блистаніемъ Божества“, Богочеловѣка, смертію Своею „смерть поправшаго, узы адовы растерзавшаго“ и, побѣдою надъ могущественною силою зла, жизнь вѣчную міру даровавшаго. „Солнце правды, прежде солища зашедшее иногда въ гробъ“, не возшло для него въ свѣтоносный день возстанія и не освѣтило истиннаго пути жизни. Торжествующіе клики христіанъ, чистымъ сердцемъ въ свѣтозарную пасхальную ночь Христа Воскресшаго славящихъ, свѣтло празднующихъ „смерти умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало“, не нашли отзвука въ его сумрачномъ сердцѣ....

За рѣшеніемъ вѣчно волнующей духъ человѣческой проблемы зла Толстой обращается къ современнымъ философскимъ системамъ, которыя по этому вопросу повторяютъ лишь различно комбинировавъ то, что было выработано древнимъ міромъ языческимъ. Не найдя, однако же, здѣсь удовлетворительнаго отвѣта и желая, во что бы то ни стало разрѣшить противорѣчія, порождаемыя явленіемъ зла въ

мірѣ, Толстой самъ запутывается въ противорѣчіяхъ и разсѣкаетъ гордіевъ узелъ, будучи не въ состояніи распутать его. Однимъ пассивнымъ отрицаіемъ зла, „непротивленіемъ“ ему, онъ думаетъ спасти міръ сей, во злѣ лежащій, забывая, что зло есть дѣйствительная реальная сила, которая всегда стремится къ распространенію и расширенію. Въ то же время, опасаясь, какъ бы „пальцемъ не тронуть“ зла, Толстой съ излишнею самонадѣянностью врача, поставившаго неправильный діагнозъ болѣзни, неосторожно примѣняетъ хирургию тамъ, гдѣ требуется терація и, неразличая порядка жизни отъ злоупотребленія, вмѣстѣ съ послѣднимъ отрицаетъ и первый. Не уяснивъ истинно христіанскаго ученія о злѣ, по которому со времени печальнаго факта грѣхонаденія прародителей природа человѣческая настолько повреждена, что самый корень ея проникнуть ядомъ грѣха, а потому и во всемъ организмѣ человѣчества въ его многовѣковомъ историческомъ ростѣ зло просасывается всюду и приражается ко всемъ явленіямъ и формамъ жизни частной и общественной, Толстой отвергаетъ всѣ исторически сложившіяся бытовые формы жизни семейной, общественной и государственной, какъ основанныя будто-бы на зломъ принципѣ насилія. Онъ рѣшительно отрицаетъ все то, на чемъ держится культурный міръ, и что служитъ къ его развитію: государство, судъ, войско, наука, искусство *), промышленность, торговлю, фабрики, заводы и т. п. „Чѣмъ болѣе будутъ сыты люди, говоритъ онъ, чѣмъ больше будетъ телеграфовъ, телефононь, книгъ, газетъ, журналовъ,

*) И напрасно Толстой, какъ бы оправдываясь, говоритъ, что его не повалили, что онъ отрицаетъ только ложную науку и ложное искусство: соединяя при этомъ съ понятіемъ истинной науки и истиннаго искусства свой собственный, и довольно при томъ неясный, смыслъ, а не смыслъ общепринятый, онъ этимъ позволяетъ себѣ обычную уловку изворотливаго сектантскаго ума, которой могутъ не замѣтить только его ослѣвленные поклонники.

тѣмъ больше только будетъ средствъ распространенія несогласныхъ между собой лжей и лицемѣрія, тѣмъ больше будутъ разъединены и потому бѣдственны люди, «какъ это и есть теперь». Всѣ культурныя учрежденія, по его мнѣнью, не содѣйствуютъ, а препятствуютъ наступленію и разрушають то царство Божіе, которое въ „внутри насъ“, и распространеніе котораго на землѣ должно быть поставлено главною задачею жизни и дѣятельности каждаго человѣка.

Судя по названію сочиненія: „Царство Божіе внутри васъ“, можно подумать, что царство Божіе, о которомъ говоритъ Толстой, есть царство внутреннее, — то внутреннее благодатное настроеніе, которое Апостолъ опредѣляетъ словами: „правда, миръ и радость во Св. Духѣ“. Однако же на дѣлѣ оказывается, что это царство будетъ виѣшнее, на землѣ осуществляющееся, оно опредѣляется, какъ виѣшняя дѣятельность и будетъ не „внутри“, а виѣ въ человѣка — въ извѣстномъ виѣшнемъ общественномъ строѣ. Свое царство Толстой называетъ внутреннимъ потому, что для насажденія его на землѣ требуются не виѣшнія мѣры насилія, не карательные законы или опредѣленные священодѣйствія, а внутренняя рѣшимость не противиться злу насиліемъ, ибо такой способъ поведенія содѣйствуетъ приближенію золотого вѣка. Наступленіе царства Божія опять представляетъ такъ, что непременно и очень скоро придетъ время, когда на землѣ настанетъ общее равенство, счастье и безгрѣшное состояніе, „люди будутъ поступать только по чистой совѣсти и такимъ образомъ исполнять волю Божію, которая предписываетъ имъ одно только чистое добро, тогда они перекують мечи свси на орала, копія на серпы и не будутъ учиться воевать“.

Желая оправдать свои мечтанія о золотомъ вѣкѣ, Толстой ссылается на Евангеліе, но при этомъ Евангельское ученіе перетолковываетъ въ желательномъ для себя смыслѣ. Такъ,

слова Христовы о концѣ нынѣшняго вѣка онъ довольно наивно толкуеть въ смыслѣ гибели государственнаго устройства и наступленія анархїи, впрочемъ не революціонной, а фантастически-нравственной. Предсказаніе Спасителя о томъ, что предъ концемъ міра настануть тяжкія бѣдствія и будетъ всюду проповѣдано Евангеліе, Толстой старается понять такъ, будто люди, въ своемъ постепенномъ усовершенствованіи, начнутъ невыносимо страдать отъ усилившейся государственности, совершенно противорѣчащей высокому настроенію послѣднихъ поколѣній, а евангельское ученіе, т. е. именно ученіе о непротивленіи, будетъ распространяться съ великою мощью, и вотъ вдругъ охватитъ умы и сердца людей съ такою силою, что всякая власть, всякое Насиліе сдѣлается невозможнымъ; тогда настанетъ общее разоруженіе и непротивленіе. Въ этомъ будетъ заключаться по мнѣнію Толстого, царство Божіе на землѣ.

Но если бы Толстой, трепетною мыслью проникая въ художественный планъ отъ вѣка созидающагося Царствія Божія, могъ взоромъ своимъ объять всю широту величественныхъ перспективъ христіанскаго міросозерцанія отъ начальнаго момента, когда „и сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ,“ (Быт. 1, 2),—до конечнаго, когда „и сказалъ Сѣдящій на престолѣ: се, творю все новое“ (Апок. XXI, 5), то онъ увидѣлъ бы, что здѣсь нѣтъ мѣста его фантастическому „царству“.

По христіанскому ученію, Царствіе Божіе, отъ вѣка созидающееся, послѣ періодовъ патриархальнаго и подзаконнаго, со времени воплощенія Бога Слова вступило въ новый періодъ, періодъ *благодатнаго Царства Христова*, который предшествуетъ и предуготовляетъ полное откровеніе Царства Божія, вѣчнаго *Царства славы*. Христіанское міровоззрѣніе различаетъ временную жизнь вѣка сего переходящаго и вѣчную жизнь вѣка будущаго. Послѣднюю оно

понимаетъ не въ смыслѣ погруженія личнаго сознанія въ общеміровую, космическую, безсознательную жизнь природы (возвращеніе „Сына“ въ лоно „Отца“, по терминологіи Толстого), а въ смыслѣ продолженія личнаго существованія каждой отдѣльной живой души человѣческой, носящей въ себѣ образъ Божій и соединенной въ настоящей жизни съ этой тлѣнной смертной оболочкой, которой „подобаетъ облечься въ нетлѣніе и безсмертіе“ (1 Кор. XV, 53). Поэтому, имѣющее открыться Царствіе Божіе, которому не будетъ конца, оно не заключаетъ въ условія нынѣшней временной жизни и не отрицаетъ исторически сложившихся бытовыхъ формъ жизни — семейной, общественной и государственной, какъ основанныхъ будто-бы на зломъ принципѣ насилія и самымъ существованіемъ своимъ препятствующихъ наступленію Царствія Божія. Христіанство относится ко *всѣмъ вѣчнымъ* формамъ жизни совершенно безразлично, такъ какъ онѣ *несоизмѣримы* съ тѣмъ царствомъ Божіимъ, которое *внутри* насъ. Такое или иное внѣшнее положеніе не можетъ служить препятствіемъ для того, кто вмѣстѣ со Христомъ Побѣдителемъ старается побѣждать живущій въ немъ всезлобный грѣхъ, и со Христомъ Примирителемъ созидаетъ въ примиренной совѣсти царство „правды, мира, и радости во Св. Духѣ“. Во Христѣ „всѣ одно“ (Гал. III, 28), и истиннымъ его послѣдователемъ можетъ быть рабъ такъ же, какъ и свободный, семейный, какъ и холостой, воинъ, какъ и земледѣлецъ, судья, какъ и писатель.

Сохраняя *status quo* внѣшнихъ, вырабатываемыхъ постепеннымъ ходомъ исторіи формъ жизни, и отрицая лишь тѣ злоупотребленія, какія неизбѣжно привносятся сюда грѣховной волей человѣка, христіанство однако-же научаетъ насъ смотрѣть на нихъ, только какъ на временныя формы преходящаго вѣка сего, только какъ на необходимое *conditio sine qua non* настоящей фазы міробытія. Оно гово-

рять намъ о наступленіи другаго времени, когда вмѣстѣ съ небомъ и землею преидеть все, что было установлено лишь до времени. И по христіанскому міровоззрѣнію, наступитъ время, когда не будетъ „ни государства, ни правительства, ни полиціи, ни жандармовъ“, но это будетъ тогда, когда Христось „предастъ царство Богу и Отцу, когда упразднить всякое начальство и всякую власть и силу“ (1 Кор. XV, 24).

И по христіанскому міровоззрѣнію, наступитъ время, когда не будетъ „ни судовъ, ни остроговъ и тюремъ, ни клятвы и присяги, ни войны“, но это будетъ тогда, когда „отретъ Богъ всякую слезу съ очей людскихъ, и смерти уже не будетъ, ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ, ибо прежнее прошло“; все это будетъ, когда наступитъ тотъ невечерній день Царствія Божія, гдѣ „не будетъ ночи и не будутъ имѣть нужды въ свѣтильникахъ и въ свѣтѣ солнечномъ, ибо Господь Богъ будетъ освѣщать ихъ, и гдѣ „будутъ царствовать во вѣки всѣ, написанные въ книгѣ жизни у Агнца“ (Ап. XXI, 4, 17. XII, 5).

Наступленіе вѣчнаго Царства славы, по христіанскому ученію, послѣдуетъ тогда, когда „исполнятся времена и сроки, которые положилъ Отець въ своей власти“, когда, съ одной стороны, „жена приготовитъ себя и облечется въ виссонь чистый и свѣтлый, который есть праведность святыхъ“, а съ другой стороны „драконъ, разсвирѣпѣвшій на жену, вступитъ въ брань со святыми и дано будетъ ему побѣдить ихъ *)“.

Тогда наступитъ „день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія“. Зло, доотигшее крайняго предѣла своего развитія и высшей степени могущества, вызоветъ великую міровую катастрофу, которая и будетъ кончиной міра сего, во злѣ лежащаго. Тогда „истребится послѣдній врагъ смерти и умершіе во Адамѣ оживутъ во Христѣ“, тогда „небеса

*) Дѣян. 1, 7. Апок. XIX, 7—8. XII, 17. XIII, 7.

съ шумомъ преидуть, стихія же, разгорѣвшись, разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ, и будетъ новое небо и новая земля, на которыхъ правда живетъ **)

Такъ велика разница между ученіемъ христіанскимъ о Царствѣ Божіемъ и ученіемъ Толстого.

Очевидно, ошибка Толстого состоитъ въ томъ, что, игнорируя зло, какъ дѣйствительную реальную силу, онъ смѣшиваетъ временное благодатное Царство Христово (Церковь воинствующая на землѣ со зломъ) и будущее вѣчное Царство славы (Церковь торжествующая полную и окончательную побѣду надъ зломъ).

Но мѣръ того, какъ Толстой выработывалъ свое определенное міровоззрѣніе, — пантеистическое съ христіанской окраской *), и сочинялъ свою новую вѣру, онъ пріобрѣлъ спокойствіе человѣка, нашедшаго истину прочную, устойчивую. Поэтому, вопреки ранѣе высказанному положенію, что истина находится въ *процессѣ* *исканія*, и что тотъ, кто только ищетъ истину, стоитъ ближе къ ней, чѣмъ тотъ, кто утверждаетъ, что уже обладаетъ ею, Толстой въ послѣ-

**) Рим. II, 5. 1 Кор. XV, 26. 2 Пер. III, 9—13.

*) Употребляя христіанскіе термины: «Богъ Отецъ», «Сынъ Божій», «Сынъ человѣческій», Толстой соединяетъ съ ними смыслъ пантеистическій, Богъ понимается имъ не какъ Единный, личный Творецъ и Промыслитель міра, а какъ жизненная сила, разлитая всюду, какъ сущность жизни. По его словамъ, «Богъ—существо духовное, единое, нераздѣльное—заключилъ себя въ отдѣльныя тѣла существъ и въ тѣло отдѣльнаго человѣка, единое какъ бы раздѣлилось само въ себѣ». Поэтому, Христосъ есть «Сынъ Божій, но не «Единородный», а такой же какъ и всѣ люди; каждый человѣкъ при рожденіи посылается въ міръ Отцемъ творить волю «Пославшаго». «Сынъ человѣческій» — это частичка разлитого въ міръ Божества, данная каждому человѣку «для освобожденія ея изъ подъ власти животнаго начала» съ тѣмъ, чтобы по разрушеніи человѣка она вновь сливалась со своимъ первоисточникомъ «Отцемъ». Здѣсь ясно видны воззрѣнія не только пантеистическія, но и древнія гностико-манейскія дуалистическія — давно осужденныя Церковью еретикъ.

дующихъ сочиненіяхъ начинаетъ избѣгать тонъ, и высказывается опредѣленно, категорически, даже догматически. Въ его тонѣ слышится уже не человѣкъ, ищущій истины, а человѣкъ нашедшій ее и вполне убѣжденный въ ней. Истина эта состоитъ, по словамъ самого Толстого, въ томъ, что „Евангеліе не есть исключительно откровеніе Христа, но этотъ самый отвѣтъ на вопросы жизни высказали болѣе или менѣе ясно всѣ лучшіе люди человѣчества до и послѣ Евангелія, начиная отъ Моисея, Исаи, Конфуція, древнихъ грековъ, Будды, Сократа и до Иаскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха... Такъ что въ познаніи почерпнутой мною изъ Евангелія истины, говоритъ Толстой, я не только не одинъ, но былъ со всѣми лучшими людьми прежняго и нашего времени. И я утвердился въ этой истинѣ, успокоился и радостно прожилъ послѣ этого двадцать лѣтъ“.

Найдя искомую истину и вполне убѣжденный въ ней, Толстой, въ пріятномъ заблужденіи, что раздѣляетъ ее со всѣми лучшими людьми человѣчества, дѣлается страстнымъ фанатикомъ и проповѣдникомъ ея. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ онъ съ энергіей, достойной лучшаго дѣла, трудится, „насаждая Царство Божіе на землѣ“, въ дѣятельности же, бросая всюду сѣмена анархіи въ религіозной оправѣ, и не замѣчаетъ, что дѣятельность его достигаетъ совершенно противоположныхъ результатовъ. Проповѣдуемое имъ ученіе (которое напрасно Толстой связываетъ съ великимъ, едивственнымъ во всей поднебесной, даннымъ намъ для спасенія именемъ Іисуса Христа), ученіе, хотя и проникнутое моральной тенденціей, но странное, полное парадоксовъ и противорѣчій *), и сразу ставящее своего адепта

*) Хорошо представлены противорѣчія эти В. С. Соловьевымъ въ его послѣднемъ сочиненіи «Три разговора», гдѣ дама, одна изъ участницъ разговоровъ, высказывается по этому поводу такъ: «То мы слышимъ, что главная суть въ нагорной проповѣди; то вдругъ намъ говорятъ, что прежде

во враждебное, отрицательное отношеніе къ исторически сложившимся вѣковымъ укладамъ жизни, не только не можетъ успокоить безпокойные, взволнованные умы ищущихъ истины отцовъ, но и вносить смуту и тревогу, лишаетъ внутренней цѣльности и гармоніи духа юныя, довѣрчивыя сердца дѣтей, и такимъ образомъ не созидаетъ, а разрушаетъ то царство Божіе, царство „правды, мира и радости во Св. Духѣ“, которое „внутри насъ“.

Не говоря уже о тѣхъ, довольно не малочисленныхъ жертвахъ слѣпаго увлеченія толстовскимъ ученіемъ, которыя обанчиваютъ свою жизнь пулей или петлей, не говоря о толстовскихъ колоніяхъ, которыя умираютъ, едва только появившись на свѣтъ Божій, достаточно познакомиться съ обычнымъ типомъ опростившагося интеллигента толстовца, этого — неряшливаго совѣ, изломаннаго внутри существа, чтобы видѣть, какъ губительно вліяетъ ученіе Толстого на его послѣдователей, и какъ мало въ немъ внутренней жизненной правды. Обычно — это человѣкъ, занятый изданіемъ „просвѣтительныхъ“ книжекъ для народа, или же самъ ушедшій въ народъ, „сѣвшій на землю“, весь поглощенный дѣлами

всего нужно трудиться въ потѣ лица надъ земледѣліемъ, хотя этого въ Евангеліи нѣтъ, а есть въ книгѣ Бытія, — тамъ же, гдѣ въ болѣзняхъ родить, — но вѣдь это не заповѣдь, а печальная судьба; то говорятъ, что все нужно раздать нищимъ, а то — никому ничего не давать, потому что деньги — зло, и не хорошо дѣлать зло другимъ, а только себѣ и своей семьѣ, а для другихъ нужно только трудиться; то опять говорятъ: призваніе женщины — родить какъ можно болѣе здоровыхъ дѣтей, — а тамъ вдругъ — совсѣмъ ничего этого не надо; потомъ мясного не ѣсть — первая ступень, а почему первая — никому неизвѣстно; потомъ противъ водки и табака, потомъ блины, а потомъ военная служба, что главная бѣда въ ней, и главная обязанность христіанина отъ нея отказываться, а кого въ солдаты не берутъ, тотъ, значитъ, и такъ святъ... Здѣсь, хотя, быть можетъ, и съ нѣкотирымъ шаржемъ, но въ общемъ довольно вѣрно изображена та путаница понятій, какую производитъ ученіе Толстого въ умахъ обыкновенныхъ смертныхъ.

евангельской проповѣди, называющій себя настоящимъ христіаниномъ, христіаниномъ „по преимуществу“, но не имѣющій духа Христова, говорящій „высокія“ слова, разсуждающій буквально словами своего учителя и, подобно ему, избѣгающій всякихъ серьезныхъ религіозныхъ разсужденій и споровъ, порвавшій со всѣмъ своимъ историческимъ прошлымъ, съ любовью къ родинѣ, потерявшій всякую жизнерадостность, довольство, веселость и благодушіе; воспаленный, блуждающій взоръ его загорается недобрымъ огонькомъ, если собесѣдникъ позволить себѣ непочтительно отозваться о его великомъ учителѣ *).

Но Толстой не видѣлъ этихъ тѣней, ему все представлялось въ иномъ свѣтѣ. Слепая до фанатизма преданность его вѣрныхъ послѣдователей, а также слѣпое, недостойное истинно интеллигентнаго человѣка, раболѣяство большей части свѣтскаго общества и печати производили на Толстого дѣйствіе гипноза, и создавали настроеніе, далеко несоотвѣтствующее познанію истины и воспитанію христіанскаго духа смиренія. Среди многочисленныхъ похвалъ, большая часть которыхъ справедливо воздавалась его таланту, какъ

*) Нельзя не упомянуть еще объ одной тяжелой винѣ, которая должна лежать на совѣсти Толстого. Это—его вина предъ несчастными духоборами, которые, благодаря пропагандѣ толстовцевъ, стадно ринулись въ омутъ анархія, рѣшительно отказались повиноваться властямъ и нести какія бы то ни было государственныя и общественныя повинности вследствие чего должны были выселиться изъ Россіи и теперь разоренные скитаются по бѣлу свѣту, не находя себѣ пріюта. Сначала они переселились въ Америку, въ Канаду, но проведя тамъ около двухъ лѣтъ въ страшныхъ лишеніяхъ и войдя въ столкновеніе съ Канадскими властями, которые потребовали отъ нихъ подчиненія мѣстной юрисдикціи, духоборы въ настоящее время обращаются съ петиціей ко всѣмъ націямъ, прося дать имъ свободный уголокъ, чтобы избавиться отъ Канадскихъ властей. Толстой принимаетъ живое участіе въ судьбѣ духоборцевъ и находится съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ; онъ пишетъ имъ посланія, въ которыхъ убѣждаетъ твердо держаться своего ученія (т. е. не признавать властей и собственности), онъ оказываетъ имъ матеріальную помощь (извѣстно,

великаго писателя-художника, окруженный толпой пресмыкающихся почитателей, которые съ благоговѣнiемъ путешествуютъ на поклоненiе въ Ясную Поляну и на легу ловить каждое слово учителя, какъ величайшую истину, Толстой, естественно, самъ возвышался въ своихъ глазахъ и все болѣе и болѣе убѣждался въ своей непогрѣшимости. То начало грѣховнаго эгоизма, съ которымъ всѣ мы рождаемся въ мiръ, обнаруженiе котораго замѣтно уже въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ Толстого, и еще замѣтнѣе въ его „Исповѣди“, въ теченiе долголѣтней жизни Толстого, не встрѣчая себѣ противодѣйствiя, — вѣроятно, въ силу практическаго примѣненiя принципа „непротивленiя“, — все болѣе развивалось, укрѣплялось и, наконецъ, въ послѣднее время достигло страшной, по-истинѣ демонической силы. Въ горделивомъ самообольщенiи Толстой возноситъ себя на высоту религiознаго пророка и учителя, наравнѣ не только съ Конфуціемъ, Буддой, Магометомъ, но даже и съ „Единымъ Учителемъ“ (Мѣ. XXIII, 8) Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Гордыня эта настолько ослѣпляетъ Толстого, что дѣлаетъ его положительно фанатикомъ и деспотомъ мысли. Лица, посѣщавшія его въ послѣдніе годы, передаютъ, что Толстой обнаруживаетъ нетерпимость къ чужимъ мнѣнiямъ, свое ученiе изрекаетъ, подобно оракулу, догматически, безапелляціонно и очень раздражается, когда его послѣдователи, не соглашаясь съ нимъ, позволяютъ себѣ „смѣть свое сужденiе имѣть“.

что весь гонораръ за печатанiе «Воскресенiя» — около 30,000 руб. Толстой пожертвовалъ на переселенiе духоборцевъ въ Америку). Такая близкая связь объясняется тѣмъ, что Толстой лелѣетъ духоборческое движенiе, какъ свое родное дѣтище и ожидаетъ богатаго восхода посѣянныхъ имъ сѣмянъ. А несчастные, сбитые съ толку, нафанатизированные духоборы собственной шкурой отвѣчаютъ за то, что позволили производить надъ собою разнаго рода коммунистическіе и анархическіе эксперименты.

Такое душевное состояніе и настроеніе Толстого показывають, что обращеніе его къ Церкви очень трудно и *почти невозможно*. Но нельзя, конечно, утверждать, что оно совершенно невозможно. Волѣнненное состояніе, которое въ послѣднее время все чаще начинаетъ испытывать Толстой, а также близость часа смертнаго могутъ произвести въ немъ спасительную перемѣну и сдѣлать способнымъ къ воспріятію благодати Божіей по молитвамъ Церкви. И кто знаетъ, быть можетъ, наступитъ часъ, когда и Льва, какъ нѣкогда Савла, обястааетъ свѣтъ Христа Воскресшаго, и, пораженный видѣніемъ, подобнымъ Дамасскому, повергнется онъ въ прахъ со всею своею гордою мудростью языческою, и послѣ полного жестокаго крушенія духа смиренно преклонитъ колѣна предъ Распятымъ, бія себя въ перси и исповѣдуя вмѣстѣ съ сотникомъ: „воистину Божій Сынъ есть Сей“. Тогда словно пелена спадетъ съ его глазъ, и увидитъ онъ „среди многихъ дѣвъ, приводимыхъ къ Царю, единую чистую голубицу“ (Пѣс. II, 6—8), Христомъ возлюбленную и кровію своему Жениху уневѣщенную, истинную Христову Церковь. Тогда сознаетъ онъ, какъ несправедливъ былъ къ ней раньше, всячески унижая, возводя на нее злыя клеветы, высказывая жестокія хулы и называя именемъ *неплодной*, даже вопреки своему широкому, расплывающемуся до потери всякихъ контуровъ въ безбрежномъ теплохладномъ морѣ индифферентизма, взгляду, будто всѣ пути *одинаково* ведутъ къ Богу... Съ распростертыми объятями приметъ его въ свое лоно мать-Церковь Православная, и будетъ тогда радость на небѣ и на землѣ о великомъ грѣшникѣ кающемся!...

В. Т.

Невѣріе Апостола Фомы.

Было-бы очень печально, если-бы истины вѣры были сразу очевидны для всякаго. Тогда онѣ собственно и не были-бы истинами *вѣры*. Богъ, спасеніе души, всеобщее воскресеніе совершенно *достоувѣрны*, но ихъ достоувѣрность не есть принудительная для всякаго ума очевидность, принадлежащая положеніямъ математическимъ съ одной стороны и прямо наблюдаемымъ фактамъ—съ другой. Очевиднымъ бываетъ только маловажное для жизни. Математическія истины имѣютъ всеобщее значеніе, но онѣ нравственно безразличны. Всегда и вездѣ дважды пять составляетъ десять, но отъ этого никому не тепло и не холодно. Съ другой стороны факты, прямо наблюдаемые, могутъ быть болѣе интересны, но зато они совершенно лишены всеобщаго движенія, они ограничены и мимолетны. Я вижу, что сейчасъ въ Москвѣ ясный солнечный день. Это фактъ очевидный и не лишенный нѣкотораго интереса, но его никакъ нельзя удержать и превратить въ истину неизмѣнную вездѣ и всегда,—фактъ достоувѣренъ только здѣсь и сейчасъ. Подобнымъ образомъ и всякая другая очевидность сама по себѣ или формальна, какъ математика, или случайна, какъ сегодняшній свѣтлый день въ Москвѣ. А все то, въ чемъ всеобщность и внутренняя необходимость соединяются съ жизненною важною,—всѣ такіе предметы лишены прямой очевидности и осязательности для ума и для виѣшняго чувства. Отвергать ихъ на этомъ основаніи, т. е. признавать истиннымъ или достоувѣрнымъ только то, что имѣетъ очевидность математической аксіомы или наблюдаемаго чувственнаго факта—было-бы признакомъ тупоумія едва-ли вѣроятнаго, или во всякомъ случаѣ крайне рѣдкаго. Обыкновенно истины вѣры отвергаются заранѣе не по грубости ума, а по лукавству воли. Нѣтъ сердечнаго влеченія къ

такимъ предметамъ, какъ Богъ, спасеніе души, воскресеніе плоти, нѣтъ желанія, чтобы эти истины дѣйствительно существовали, безъ нихъ жизнь легче и проще, лучше о нихъ не думать,—а тутъ уже уму не трудно найти предлогъ, чтобы не думать объ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, не считаться съ ними серьезно: вѣдь все это вещи, которыхъ нельзя *доказать* ни разумомъ, ни опытомъ, значитъ, все это недостоверно, фантастично.

Такое невѣріе, въ сущности неувѣренное въ самомъ себѣ и потому болѣе или менѣе *озлобленное* противъ тѣхъ предметовъ, существованіе которыхъ оно отрицаетъ,—этимъ озлобленіемъ и выдаетъ себя, потому что нельзя-же въ самомъ дѣлѣ сердиться на то, чего и нѣтъ совсѣмъ,—такое невѣріе *недобросовѣстно*; въ лучшемъ случаѣ оно основано на малодушномъ отказѣ отъ той работы ума и отъ того подвига воли, которые необходимы, чтобы достигнуть и усвоить истины, лежащія за предѣлами математической и фактической очевидности. Но есть другого рода невѣріе, совершенно *добросовѣстное*, основанное не на какомъ-нибудь недостаткѣ нравственномъ, а только на извѣстной особенности психологическаго темперамента. Типичный представитель такого невѣрія увѣковѣченъ Евангеліемъ въ лицѣ св. Ѳомы. „Ѳома-же, одинъ изъ двѣнадцати, называемый Близнецъ, не былъ съ ними, когда приходилъ Иисусъ; говорили-же ему другіе ученики: мы видѣли Господа. А онъ говоритъ имъ: если не увижу на рукахъ Его язвы гвоздныя и не вложу перста въ язвы гвоздныя и не вложу руки моей въ ребро Его, не повѣрю. И чрезъ восемь дней опять были внутри ученики Его, и Ѳома съ ними. Пришелъ Иисусъ при дверяхъ затворенныхъ и сталъ посрединѣ и сказалъ: миръ вамъ! Затѣмъ говоритъ Ѳомѣ: дай персть свой сюда и смотри руки Мои, и дай руку свою и вложи въ ребро Мое, и не будь невѣрующимъ, но вѣрую-

щимъ. И отвѣчалъ Тома и сказалъ Ему: Господь мой и Богъ мой!—Говорить ему Иисусъ: потому что видѣлъ меня, Тома, увѣровалъ; блаженны невидѣвшіе и вѣровавшіе“. (Ев. Иоан., XX, 24—29).

Еслибы невѣріе Тома происходило отъ грубаго матеріализма, сводящаго всю истину къ чувственной очевидности, то, убѣдившись осязательно въ фактъ воскресенія, онъ придумалъ-бы для него какое-нибудь матеріалистическое объясненіе, а не воскликнулъ бы: Господь мой и Богъ мой! Съ точки зрѣнія чувственной очевидности язвы гвоздинныя и прободеное ребро никакъ не доказывали Божества Христова. Еще яснѣе, что невѣріе Тома не вытекло изъ нравственной несостоятельности, или изъ вражды къ истинѣ. *Любовь* къ истинѣ привлекла его къ Христу и породила въ немъ безграничную преданность Учителю. Когда передъ послѣднимъ путешествіемъ въ Иерусалимъ Христосъ отвергъ указаніе на грозящую смертельную опасность, Тома воскликнулъ: „пойдемъ и мы умремъ вмѣстѣ съ Нимъ!“ (Ев. Иоан. XI, 16).

Недаромъ это отмѣчено въ Евангеліи. Въ этомъ пылкомъ выраженіи сердечной преданности есть указаніе на психологическую причину невѣрія Ап. Тома. Стремительный, предварающій событія характеръ, принявъ истину, требуетъ немедленнаго ея осуществленія, онъ не удовлетворяется принципиальною увѣренностью, не полагается и на чужое свидѣтельство, ему нужно *теперь, здѣсь*, удостовѣриться въ ней на дѣлѣ, испытать ея реальную силу, провѣрить истину фактомъ. До тѣхъ поръ онъ отказывается вѣрить: если не увижу, не повѣрю. Но разъ увидѣвъ, онъ уже беззавѣтно вѣритъ и въ то, чего не видѣлъ и чего нельзя видѣть: чувственный фактъ былъ не основаніемъ, а лишь точкою опоры для его вѣры.

Временное добросовѣстное невѣріе, ради окончательнаго и полнаго удостовѣренія въ истинѣ, не заслуживаетъ нравственнаго осужденія. Христосъ и не осудилъ Θому, а убѣдилъ его тѣмъ способомъ, котораго онъ требовалъ. Люди, не нуждающіеся въ этомъ способѣ, вѣрующіе безъ провѣрки, могутъ быть не лучше Θомы,—они только счастливѣе его: блаженны не видѣвшіе и вѣровавшіе. Но блаженство спокойной и непоколебимой вѣры *обязываетъ* своихъ обладателей снисходительно относиться къ своимъ менѣе счастливымъ собратьямъ. Во времена преобладающаго невѣрія важно различать, съ *какимъ* невѣріемъ имѣешь дѣло. Есть это невѣріе грубо-матеріальное, скотоподобное, не способное возвыситься до самаго понятія объ истинѣ,—о такомъ бесполезно разсуждать: non gaggionar di lor, ma guada e passa; или это есть невѣріе лукавое, сознательно злоупотребляющее разными полупричинами изъ враждебнаго страха передъ полною истиною,—за этою змѣей необходимо слѣдить, безъ гнѣва и боязни раскрывая всѣ ея ухищренныя извороты, или, наконецъ, мы имѣемъ дѣло съ чисто человѣческимъ, добросовѣстнымъ невѣріемъ, жаждущимъ только полнаго и окончательнаго удостовѣренія въ совершенной истинѣ. Это невѣріе типа Апостола Θомы имѣетъ всѣ права на нравственное наше признаніе, и если мы не можемъ, подобно Христу, дать этимъ людямъ требуемое ими удостовѣреніе истины, то ни въ какомъ случаѣ не должны мы осуждать и отвергать ихъ: безъ всякаго сомнѣнія эти мнимо-невѣрующіе предварятъ въ царствіи Божіемъ великое множество мнимо-вѣрующихъ ¹⁾).

¹⁾ „Три разговора“ и письма Владиміра Соловьева. С-ПБ. 1901 г.

Восьмое Палестинское чтеніе.

Въ пятую недѣлю Великаго поста состоялось въ Полтавскомъ Каѳедральномъ Соборѣ послѣднее—8-е чтеніе о св. землѣ, по програмѣ чтеній Полтавскаго отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Предметомъ чтенія избранъ храмъ Св. Воскресенія въ Иерусалимѣ въ прошломъ и настоящемъ его состояніи. Читаль смотритель духовнаго училища Протоіерей Гр. Лисовскій.

По установленному обычаю, передъ чтеніемъ Преосвященнымъ Гедеономъ, епископомъ Прилукскимъ, въ сослуженіи каѳедрального протоіерея Ѡ. Лазурскаго, смотрителя духовнаго училища, протоіерея Гр. Лисовскаго, ключаря собора, священника Вл. Щитинскаго и священника П. Тарасевича, былъ совершенъ акаѳистъ Успенію Божіей Матери. Пѣлъ хоръ воспитанниковъ духовнаго училища изъ 100 человекъ, подъ управленіемъ учителя церковнаго пѣнія, діакона А. Соколова, причемъ въ началѣ акаѳиста кондакъ, а по окончаніи экзакостиларій Успенію исполнены Лаврскимъ распѣвомъ, послѣдній—тріо.

Чтеніе по содержанію подраздѣлялось на три отдѣла и каждый сопровождался пѣніемъ хора. Указавъ на близость воспоминанія церковію послѣднихъ дней земной жизни Спасителя словами дневнаго евангельскаго чтенія: „Се восходимъ во Иерусалимъ и Сынъ человѣческій будетъ преданъ первосвященникамъ и книжникамъ; и осудятъ Его на смерть...“ чтець предложилъ слушателямъ мысленно съ Иисусомъ Христомъ и апостолами войти въ св. градъ и обозрѣть благоговѣнно храмъ св. Воскресенія, какъ средоточіе мѣсть, освященныхъ событіями страданій и смерти Господа. Вслѣдъ за этимъ онъ кратко изложилъ исторію этого храма, сообщивъ свѣдѣнія о построеніи его, о неоднократномъ разореніи и восстановленіи его до настоящаго состоянія;

разказаль объ обывателяхъ храма, о времени богослуженія въ немъ и проч. Указавъ на обычай полонниковъ, при обхожденіи многочисленныхъ придѣловъ храма, пѣтъ богослужебныя пѣснопѣнія, лекторъ прервалъ чтеніе, и хоръ спѣлъ четыре воскресныхъ стихиры: „Обыдите, людіе, Сіонъ и обымите его....“. „Радуйтесь, людіе, и веселитесь...“ „Восресе Христось изъ мертвыхъ, разрушилъ смертныя узы...“ „Радуйся, Сіоне святыи...“ Хоръ пѣлъ съ канонархомъ. Продолжая чтеніе, лекторъ подробно описаль часовню св. гроба Господня и православный соборный храмъ, затѣмъ перечислиль и освѣтилъ исторіей слѣдующія священныя мѣста въ храмѣ: мѣсто явленія воскресшаго І. Христа Маріи Магдалинѣ, придѣлъ части столба, къ которому Христось былъ привязанъ на дворѣ первосвященника Каиафы, придѣлъ Пресвятой Богородицы, придѣлъ темницы Христовой, — сотника — Лонгина, — раздѣленія ризъ Господнихъ, — равноапостольной царицы Елены, — обрѣтенія животворящаго Креста Господня и друг. Здѣсь хоръ спѣлъ стихирю: „Приидите, вѣрніи, Животворящему древу поклонимся...“, такъ же съ канонархомъ. Описаніемъ придѣла возложенія терноваго вѣнца на главу Спасителя и описаніемъ храма на Голгоѣ съ придѣлами водруженія Креста и праотца Адама, а также пещеры Іосифа Аримаѣйскаго слушатели мысленно приведены были къ выходу изъ храма св. Воскресенія.

Назвавъ выслушанное чтеніе о храмѣ св. Воскресенія мысленнымъ путешествіемъ по нему, лекторъ предложилъ своимъ слушателямъ вознести благодареніе Господу за это посѣщеніе Голговы и св. гроба Господня, такъ какъ большаго счастья, — побывать въ св. градѣ, и увидѣть очами, и облобызать устами святыя мѣста, не всякій удостоится. Поклонники св. града Іерусалима и храма Воскресенія, говориль далѣе лекторъ, приносятъ обыкновенно жертвы

на святыхъ мѣста. Такъ, извѣстный намъ древній русскій путешественникъ по святымъ мѣстамъ, игуменъ Данииль, въ описаніи своего путешествія рассказываетъ, что онъ купилъ большую стеклянную лампаду, наполнилъ ее чистымъ елеемъ и поставилъ на св. гробѣ, гдѣ лежали пречистыя ноги Господа, за всѣхъ князей, за всю русскую землю и за всѣхъ христіанъ русской земли. Приглашеніемъ къ пожертвованію на нужды Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества въ предстоящее воскресенье (недѣлю Ваи) лекторъ окончилъ свое чтеніе. Въ заключеніе хоръ спѣлъ стихиру: „Прійдите ублажимъ Іосифа приснопмятнаго...“

И на это чтеніе, какъ и на предыдущія, слушателей собралось много—около 2 тысячъ. Палестинскихъ листовъ роздано болѣе тысячи экземпляровъ.

Пятое Палестинское чтеніе въ г. Ромнахъ въ 1901 году.

Послѣ церковныхъ Палестинскихъ чтеній, 18-го марта 1901 года въ г. Ромнахъ, въ зданіи духовнаго училища, Смотрителемъ этого училища, о. протоіереемъ Д. С. Дмитревскимъ, по приѣзду прошлаго года, съ разрѣшенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иларіона, Епископа Полтавскаго и Черяславскаго, устроено было *платное* чтеніе о Святой землѣ съ пѣніемъ духовно-музыкальныхъ пѣснопѣній. Программа этого чтенія, обнародованная заблаговременно печатными объявленіями, состояла изъ двухъ отдѣленій, въ каждомъ изъ коихъ три номера отведены были для пѣнія и одинъ для чтенія. Лекторами выступили: помощникъ смотрителя мѣстнаго духовнаго училища В. А. Вербичкій и учитель того-же училища И. Е. Кудрявцевъ. Чтеніе перваго носило заглавіе „Городъ Назаретъ и его значеніе въ судьбахъ Іерусалимской церкви“. Сообщивъ въ

художественномъ популярномъ изложеніи историческія свѣдѣнія о Назаретѣ отъ времени земной жизни Іисуса Христа до настоящихъ дней, авторъ подробно затѣмъ остановился на дѣятельности Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества по устройству въ Назаретѣ школъ и другихъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учреждений и закончилъ чтеніе воззваніемъ о помощи святому и великому дѣлу православія въ Святой Землѣ. Прекрасно разработанное, чтеніе г. Вербицкаго очень заинтересовало слушателей и вызвало затѣмъ, во время перерыва, оживленный обмѣнъ мыслей среди публики. Обстоятельно освѣдомленный съ дѣломъ, авторъ на вопросы интересовавшихся дополнялъ свое чтеніе личными разказами и сообщеніями. Второй лекторъ прочиталъ „о торжествѣ христіанства при Константинѣ Великомъ и о дѣятельности послѣднихъ въ Святой землѣ“. Главное вниманіе остановлено было авторомъ на дѣятельности св. царицы Елены и на исторіи обрѣтенія честнаго и животворящаго креста Господня. Музыкальный отдѣлъ состоялъ изъ слѣдующихъ пѣснопѣній, исполненныхъ соединеннымъ хоромъ городскихъ церквей подъ управленіемъ священна А. М. Осипова: молитва „Вечери Твоя тайныя“... муз. Львова; „Достойно есть“... и „Живый въ помощи Вышняго“... муз. Бортианскаго; „Се, что добро, или что красно“... муз. Ипполитова-Иванова; „Милость мира“ и „Тебе поемъ“, № 2; и „Господи, услыши молитву мою“,... муз. Архангельскаго. По желанію слушателей, сверхъ программы, исполнены были: задостойникъ Введенію, муз. Турчанинова, и херувимская пѣснь № 7-й муз. Бортианскаго. Руководитель, замѣтно, много потрудился при подготовкѣ пѣнія, и художественное выполненіе поставленныхъ духовно-музыкальныхъ пѣснопѣній очень понравилось слушателямъ. Кромѣ хористовъ, въ качествѣ любителей, въ пѣніи принимали участие: учитель духовнаго училища Н. З. Бутовскій и о. діаконъ Алексан-

дро-Невской церкви М. К. Богдановичъ. Среди слушателей присутствовали многие изъ городскихъ священниковъ, а также и изъ подгородныхъ сельъ. Начатое въ 8 час. чтеніе закончилось равно въ 10 час. вечера. При устройствѣ этого чтенія, организаторомъ не забыты были и духовные интересы дѣтей; но такъ какъ въ одинъ разъ въ залѣ духовнаго училища нельзя было вмѣстить многочисленнаго состава слушателей, то для воспитанниковъ духовнаго училища, для учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ, въ приходскомъ св.-Владимірскомъ училищѣ, для дѣтей, призрѣваемыхъ въ „убѣжищѣ для малолѣтнихъ сиротъ“, для семействъ служащихъ въ училищѣ и училищныхъ сосѣдей устроено было *бесплатное* чтеніе о Святой землѣ 15 марта по той же самой программѣ, которая была выполнена и 18 марта на чтеніи платномъ. Бесплатное чтеніе для учащихся, коихъ собралось около 300 человекъ, представляло настоящій праздникъ: это было видно по восторженнымъ дѣтскимъ лицамъ и по той признательности, какую изъявляли сопровождавшіе дѣтей учащіе. Цѣны мѣстамъ въ платномъ чтеніи были не высокія (отъ 1 р. 50 к. до 25 к. за мѣсто), и этимъ можно объяснить болѣе или менѣе многочисленный и разнообразный по положенію составъ слушателей. Чистый сборъ съ чтенія назначенъ въ пользу Императорскаго Православнаго Палестинскаго общества и предствленъ Предсѣдатѣлю отдѣла, Преосвященнѣйшему Иларіону, Епископу Полтавскому и Черкасскому. Чтеніе прошло съ большимъ успѣхомъ, и присутствовавшая публика выразила живое сочувствіе къ устройству подобныхъ чтеній.

Въ Петро-Павловской церкви села Процовки 18-го марта состоялось пятое и послѣднее въ семь году чтеніе о Святой Землѣ. Приходскимъ священникомъ І. Ѳ. Данилевскимъ, послѣ совершенія вечерни, прочитано повѣствованіе о пути въ св. землю отъ Одессы до Іерусалима. Палестинскія чтенія и здѣсь начали постепенно пріобрѣтать популярность

и послѣднія воскресенья народъ сталъ посѣщать ихъ очень усердно и слушалъ съ большимъ вниманіемъ.

I. M.

Извѣстія и замѣтки.

Шествіе на осляти въ древней Руси.

— *Въ мѣръ старообрядцевъ. — Открытіе въ области географіи — Книжнѣя мудрость въ старину. — Народныя цѣлебныя травы. — Новое средство при тушеній пожарахъ.*

Шествіе на осляти въ древней Руси. — Въ старину въ Москвѣ совершался обрядъ шествія патріарха въ Вербное воскресенье на ослѣ. Обрядъ этотъ заимствованъ отъ грековъ, совершавшихъ его въ Иерусалимѣ; прекратился онъ у насъ къ началу XVII вѣка. Совершался онъ слѣдующимъ образомъ.

Изъ Кремля отъ Успенскаго собора до Лобнаго мѣста, т.-е. до собора Василия Блаженнаго, настилался особый помостъ изъ новыхъ досокъ для крестнаго хода. Изготовлялась большая верба, которую соборный ключарь убиралъ искусственными листьями, яблоками, грушами, изюмомъ, финиками, стручками царградскими, орѣхами, винными ягодами и проч. Въ воскресенье утромъ, большею частію передъ обѣдней, открывалось шествіе отъ Успенскаго собора съ хоругвями, крестами и святыми иконами изъ всѣхъ кремлевскихъ церквей. Шествіе заканчивалъ самъ патріархъ, который шествовалъ въ маломъ облаченіи съ посохомъ, иногда патріархъ уже и къ Лобному мѣсту ѣхалъ на осляти, или бѣломъ конѣ. Затѣмъ открывалось и шествіе Государя со всею пышностью. Крестный ходъ останавливался у Покровскаго собора, лицомъ къ востоку.

На Лобномъ мѣстѣ, роскошно убранномъ бархатами и сукнами, стоялъ уже аналой, покрытый зеленой бархатной пеленою, а на немъ полагали Евангеліе и св. иконы. Тутъ же неподалеку красовалась и убранная большая верба. Подлѣ вербы стояло „осля“, т.-е. лошадь въ бѣломъ суконномъ покрывалѣ съ длинными ушами, придававшими ей нѣкоторое подобіе осла.

Крестный ходъ возвращался въ Кремль съ благословенія патріарха, который, вышедъ съ царемъ на Лобное мѣсто, подносилъ ему ваю и вербу съ черенками, обшитыми бархатомъ. Такія же ваи и вербы получали изъ рукъ патріарха духовныя и высшія свѣтскія власти. Низшіе чины получали однѣ вербы отъ архіереевъ изъ разставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ кадокъ. Послѣ этой раздачи архидіаконъ, обратясь къ патріарху, читалъ Евангеліе, начиная съ того, какъ Христосъ передъ Своимъ входомъ въ Іерусалимъ послалъ двухъ учениковъ за осленкомъ въ ближайшее селеніе. Въ эту минуту къ патріарху приближались соборные протоіерей и ключарь, изображавшіе двухъ учениковъ, которыхъ патріархъ и посылалъ за осленкомъ словами Спасителя. Принявъ благословеніе отъ патріарха, при соответствующемъ чтеніи изъ Евангелія, они подходили къ тому мѣсту, гдѣ было привязано осли, съ намѣреніемъ отвязать его. Тогда патріаршій бояринъ спрашивалъ: „Что отрѣшаете осли сіе?“—„Господь требуетъ“,—слѣдовалъ отвѣтъ посланныхъ. Взявши осли подъ уздцы съ обѣихъ сторонь, подводили его къ патріарху, а патріаршіе дѣля покрывали его краснымъ и зеленымъ сукномъ и поверхъ клали еще коверъ. Патріархъ благословлялъ Государя и возсѣдалъ на осли, взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую крестъ. Открывалось шествіе Впереди, какъ и раньше, шли Государева младшіе чины, а за ними двигалась богато убранная верба, при которой за рѣшеткой помещались патріаршіе

и́вѣчіе, мальчи́ки лѣтъ 12-ти, и и́шли церковныя стихиры съ возглашеніемъ: „осанна!“ За вербою шло духовенство съ иконами, потомъ ближніе Государевы люди, наконецъ, самъ Государь, во всемъ блескѣ своего величія, поддерживаемый подѣ руки знатнѣйшими боярами, но выражая смиреніе какъ бы передъ Самимъ Христомъ, вель ося за конецъ повода, средину котораго держаль за Государемъ одинъ изъ знатныхъ бояръ, подѣ уздцы держали лошадь два дьяка. Предъ Государемъ стольники и ближніе люди несли царскій златокованный жезлъ, Государеву вербу, его свѣчу и полотенце. Патріархъ на всемъ пути осѣнялъ крестившійся благоговѣнно и низко кланявшійся народъ крестомъ. Многочисленное духовенство слѣдовало за патріархомъ. Чтеніе Евангелія продолжалось. Цѣлыя сотни стрѣleckихъ дѣтей постилали по пути красныя и зеленыя сукна и кафтаны яркихъ цвѣтовъ. Лишь только шествіе вступало въ Спасскія ворота, раздавался торжественный звонъ во всѣ кремлевскіе и другихъ церквей колокола. У западныхъ дверей Успенскаго собора шествіе останавливалось, патріарха принимали архіереи и священники; нарядную вербу помѣщали у южныхъ дверей. Въ соборѣ Государь и патріархъ становились на свои мѣста, и архидіаконъ доканчиваль чтеніе Евангелія. Затѣмъ патріархъ принималь у Государя ваію и благословляль его; возглашалось многолѣтіе и священный обрядъ оканчивался.

(Рус. Чт.).

Въ мѣръ старообрядцевъ.—За послѣднее время раскольники австрійскаго толка особенно стали вести пропаганду между раскольниками другихъ толковъ: бѣглопсовцевъ и безповцевъ. Раскольническіе (главари) лже-владыки задумали соединить воедино всѣхъ именуемыхъ старообрядцевъ, чтобы они всѣ были австрійскаго согласія. По мнѣнію раскольни-

ческихъ лже-владыкъ, тогда можно добиться отъ Правительства признанія законности австрійской іерархіи. Для этой цѣли они завели особыхъ миссіонеровъ и главнымъ всероссійскимъ миссіонеромъ назначень К. А. Перетрухинъ. Перетрухинъ, крестьянинъ Самарской губерніи, Николаевского уѣзда, отъ рожденія молоканинъ, перешелъ въ безпоповщину, изъ безпоповщины въ австрійщину, человѣкъ нетрезвой жизни. Въ одно время Перетрухинъ состоялъ секретаремъ при лже-епископѣ Амвросіи въ г. Хвалынскѣ и нерѣдко являлся на публичныя собесѣдованія въ г. Хвалынскѣ и въ селахъ, куда его приглашали по найму. На всѣхъ подобныхъ бесѣдахъ Перетрухинъ являлся всегдѣ въ пьяномъ видѣ и вель себя возмутительно дерзко и нахально по отношенію къ миссіонерамъ и церкви православной. Помимо миссіонеровъ австрійцы стараются собирать въ свою секту и соблазнять своей службой. Вотъ, напримѣръ, какъ говорятъ они: „ты, братъ, приходи и посмотри на нашу службу, какъ у насъ все хорошо, ты никогда не разстанешься“. Въ то же время Австрійцы очень не любятъ говорить о томъ, откуда и какъ произошла австрійская іерархія. „И для чего вамъ все нужно узнавать, откуда и какъ произошло наше священство, только вѣруй и спасешься. Самъ видишь, хорошо все, чинно, и иди къ намъ, вѣдь у васъ въ безпоповщинѣ и бѣглопоповщинѣ этого нѣтъ, вотъ тебѣ и доказательство нашей правоты“. Такъ обыкновенно оканчиваютъ свою рѣчь раскольническіе проповѣдники. Для болѣе успѣшнаго соблазна раскольническіе лже-владыки стали покупать богатыя священническія и архаіерейскія облаченія, стали отправлять свою службу съ особенною торжественностью. Изъ всѣхъ раскольническихъ лжевладыкъ особенно любятъ наряжаться московскіе, пользуясь тѣмъ, что въ Москвѣ много богатыхъ раскольниковъ фабрикантовъ, у которыхъ всегда можно выпросить дорогихъ матерій для

архіерейскихъ облаченій. Къ этому прибѣгали умершіе лже-архіереи, Антоній Шутовъ и Савватій, къ этому же прибѣгаетъ и настоящій лже-архіепископъ Іоаннъ Картушинъ, донской казакъ. Въ прошедшемъ году московскія купчихи устроили своему владыкѣ облаченіе въ 1000 руб. и митру, украшенную настоящими брилліантами въ 3000 руб. Въ первый разъ Картушинъ нарядился въ своей келіи и долго любовался собой, стоя передъ большимъ зеркаломъ. Одѣвавшій его келейникъ, желая польстить своему владыкѣ, сказалъ: въ этомъ нарядѣ только бы въ Успенскомъ соборѣ служить, только владѣють-то имъ никоніане. Вотъ, погоди немного, я соберу всѣхъ старообрядцевъ во едино стадо, тогда и Успенскій Соборъ будетъ нашъ. О, владыка, сказалъ келейникъ, едва-ли можно обратить безпоповцевъ, тѣмъ болѣе нашихъ московскихъ; народъ твердый, наше священство они особенно не любятъ, да у нихъ еще есть такіе начетчики, что съ ними не сговоришь, а однѣмъ нашимъ золотымъ ризамъ они не повѣрятъ. Ну что Богъ дастъ, сказалъ Картушинъ, а къ празднику я приглашу ихъ къ службѣ, пусть со мной будутъ служить побольше поповъ, а главное, чтобы ризы-то были самыя лучшія. Наканунѣ праздника каѳедральная церковь Картушина была полна богомольцами, въ числѣ которыхъ было нѣсколько безпоповцевъ съ своимъ начетчикомъ Ѡ. Анисимовымъ. Прибылъ казакъ Картушинъ, именующій себя архіепископомъ московскимъ; пріѣхали 10 лже-поповъ, нарядились всѣ въ самыя лучшія ризы, на голову казака возложили трехъ-тысячную митру. Во время всенощнаго бдѣнія лже-владыка съ попами выходили на литію и поліелей, брилліанты на митрѣ блестѣли, а богомольцы умилялись такой красотой. На другой день лже-владыка съ тѣми-же лже-попами и діаконами явился служить обѣдню, явились и безпоповцы. Казака Картушина поставили на каѳедру и стали облачать въ богатые ризы,

дошло до митры, митры не оказалось. Картушинъ въ надеждѣ, что ее и ѣдутъ, приказалъ читать часы, но увы! — митра въ 3000 р. была украдена и пршло служить безъ митры. Загалдѣли было старухи и купчихи, но имъ приказали замолчать. „Не кричите на свою шею... митра пропала! Провѣдаетъ полиція, будетъ требовать объясненія, на какомъ основаніи наряжаемъ мы донского козака въ такую дорогую митру, нужно молчать!“ А между тѣмъ воръ, увидѣвъ, что можно воровать, взялъ да и хватилъ еще братскую кружку, а въ ней было 400 руб. — и тутъ велѣно молчать. Нашелъ — молчи, — и потерялъ — молчи, говорили раскольники. По окончаніи обѣдни безпоповцы были приглашены Картушинымъ откушать съ нимъ чаю, гдѣ первымъ долгомъ онъ разспрашивалъ гостей, — поправилась-ли имъ служба; у насъ, вѣдь, долго служить, говорилъ онъ. Служба-то и у насъ идетъ не меньше вашего, отвѣчали безпоповцы, только у насъ такихъ ризъ нѣтъ. Вотъ намъ желательно было-бы, чтобы вы оправдали свое священство отъ Божественнаго Писанія. По нашему мнѣнію — свѣтлыя ризы и длинная служба еще не доказываютъ законности этого священства. Австрійцы, увидѣвъ, что безпоповцевъ вѣншею обстановкою не убѣдишь, хотя и съ неохотой, но все же назначили бесѣду. По уходѣ безпоповцевъ лже-іереи сказали своему владыкѣ: «напрасно вы, владыка, согласились на бесѣду. Начетчикъ-то ихъ Ѳ. Анисимовъ очень лютой, онъ забьетъ напихъ и будетъ намъ вѣдѣе посрамленіе. Вы бы почаще приглашали ихъ къ службамъ, а не бесѣдовать съ ними, а то, неровенъ часъ, узнаютъ никоніане, пропечатаютъ въ газетахъ и срамота будетъ ужасная». Ничего не будетъ, — сказалъ владыка Къ назначенному дню австрійцы собрали всѣхъ свсихъ мудрецовъ: опа Авива, діакона Богатенкова, г. Бриліантова и во главѣ съ своимъ лже-владыкой Іоанномъ Картушинымъ отправились на бесѣду. Со стороны безпоповцевъ выступилъ Ѳ.

Анисимовъ. Сначала дѣло шло хорошо. Когда австрійцы излагали положительное ученіе о церкви, они доказывали, что истинная церковь Христова должна быть со священствомъ и таинствами, а ваше безпоповское общество не имѣетъ священства, поэтому не можетъ быть церковью Христовою. Наше старообрядческое общество имѣетъ всѣ принадлежности истинной церкви, поэтому наше общество и есть церковь. Безпоповецъ Анисимовъ сказалъ на это: да, братіе, ваше общество есть церковь, только не Христова, а амвросіевская, потому что произошла отъ бѣглеца Амвросія. Скажите пожалуйста, — сколько степеней священства и таинствъ должна имѣть истинная церковь Христова? Австрійцы, послѣ долгаго колебанія и увертокъ, длжны были отвѣтить: степеней священства три, а таинствъ семь. Лже-епископъ Іоаннъ Картушинъ добавилъ: сами видите, что насъ три степени на лицо, — указывая на себя вотъ я епископъ — первая степень; указывая на лже-попа Авива — вторая, — на діакона Богатенкова — третья. Въ такомъ видѣ должна быть церковь Христова до скончанія вѣка, — заключилъ Картушинъ. Такая рѣчь не понравилась Бриліантову, онъ только поморщился, а Анисимовъ, воспользовавшись признаніемъ Картушина, взглянулъ съ усмѣшкой на австрійское лже-духовенство и сказалъ: вижу, братіе, что вы по виду изображаете собою три степени іерархіи, но если посмотримъ изъ Божественнаго писанія, то, пожалуй, изъ всѣхъ вашихъ трехъ степеней и одной не окажется. По собственному вашему сознанію, Господь основалъ церковь со священствомъ въ трехъ степеняхъ и семью таинствами и въ такомъ видѣ она должна существовать до скончанія вѣка; но ваша, именуемая церковь австрійскаго происхожденія, 200 лѣтъ не имѣла своего священства, не имѣла и полноты 7-ми таинствъ. Въ теченіе этихъ 200 лѣтъ вы воровали чужихъ поповъ отъ Велико-Россійской церкви, а потомъ похитили у Греческой церкви

заштатнаго митрополита Амвросія. Всѣхъ этихъ поповъ и митрополита вы признавали еретиками, мазали ихъ какимъ-то фальшивымъ міромъ, потому что настоящаго у васъ не было, — возможно-ли, чтобы Христова церковь имѣла нужду въ іерархіи еретиковъ? Церковь Христова, одаренная благодатию св. Духа, всегда имѣла всю полноту своей іерархіи, никогда не нуждалась въ еретической. Ваша только самочинная церковь дѣйствительно нуждалась въ бѣглыхъ священникахъ, которыхъ вы спаивали водкой и переводили къ себѣ, а если-бы такихъ бѣглецовъ не оказалось, то вы такими же были безпоповцами, какъ и мы. Наши предки отъ такихъ бѣглецовъ незаконныхъ поповъ отказались, отказываемся и мы. Если принимать священниковъ отъ Велико-Россійской церкви, то нужно и идти къ настоящимъ ихъ епископамъ, которые дадутъ и настоящихъ священниковъ законныхъ, а не бѣглецовъ. По суду книги Номоконона, дѣйствія бѣглаго попа равняются дѣйствию простаго мужика. По суду толковаго Апостола посылается на такихъ отъ Бога клятва. Далѣе Анисимовъ указалъ имъ на незаконный приемъ ими бѣглаго митрополита, который нарушилъ цѣлый рядъ каноническихъ правилъ. Анисимовъ указалъ, что у Австрійцевъ имѣется древняя книга Кормчая, въ которой прямо сказано, что Амвросія, послѣ помазанія вашимъ, хотя и незаконнымъ для насъ міромъ, а для васъ законнымъ, нужно было вновь хиротонисать во епископа, а для этого нужно было имѣть въ крайнемъ случаѣ двухъ епископовъ, а у васъ у бѣдныхъ небыло ни одного, то и бѣглецъ вашъ Амвросій остался простымъ міряниномъ, слѣдовательно и другимъ не могъ преподать благодати хиротоніи, которой самъ не имѣлъ. А посему неизбежный выводъ тотъ: — если Амвросій былъ самозванецъ, то и происшедшая отъ него іерархія самозванная, а разъ самозванная, значитъ безблагодатная. Теперь, судите сами, сколько вы трое имѣете степеней!

Какъ австрійскіе начетчики не хитрили, какъ не вертѣлись, но оправдать своей іерархіи не могли. Не помогло и краснорѣчіе Бриллиантова, оно разбивалось легко Анисимовымъ, потому что оно было не на чемъ не основанное. Анисимовъ, обратившись къ австрійскому духовенству, сказалъ: вы, именующіе себя отцами, своими свѣтлами ризами прельщаете простой народъ, дадите Богу отвѣтъ за обманъ, сами идете вы въ погибель и другихъ ведете. Оставьте эту неумѣстную игру въ архіереи, священники и діаконы, простые вы міряне, какъ и мы и будьте таковыми! Не восхищайте не принадлежащаго вамъ права, ибо, по правиламъ св. Апостоль «восхищающій недарованная имъ раздражаетъ Бога». Австрійцы пріуныли; они чувствовали себя уничтоженными, а безпоповцы ликовали. Не хуже даютъ Австрійцамъ отповѣдь и бѣглоповцы.

(Астр. Еп. В.),

Открытие въ области географіи.—Очень интересное для конца XIX вѣка открытіе сдѣлано въ области землевѣдѣнія. Ужъ, кажется, земной шаръ изслѣдованъ весь, а между тѣмъ, оказывается, что до конца XIX вѣка сохранилось на землѣ селеніе людей, не подозрѣвавшихъ о существованіи на землѣ другихъ людей. Это эксимосское становище, открытое лейтенантомъ Пирри въ Гренладіи подъ 77° сѣв. широты. Оно насчитываетъ до 234 жителей, которымъ неизвѣстны ни ружья, ни деньги, ни соль, какъ приправа къ пищѣ; они не вѣдаютъ о существованіи на землѣ какой-л. растительности и не имѣютъ письменныхъ знаковъ. Пирри никакъ не могъ увѣрить эксимосовъ, что южиѣ ихъ безотраднато, вѣчно во льдахъ становища существуютъ страны, населенныя разными народами. Эти первобытные въ полномъ смыслѣ люди или охотятся за оленями и пушнымъ звѣремъ, или ловятъ рыбу для своего пропитанія. Они

убиваютъ китовъ, бѣлыхъ медвѣдей, лисицъ и волковъ. Типъ ихъ—чисто китайскій, да и самый языкъ напоминаетъ нарѣчія нѣкоторыхъ провинцій Китая. Впрочемъ, говорятъ они очень мало и объясняются между собою большей частью знаками. Ихъ потребности и интересы настолько ограничены, что не нуждаются въ словахъ для своего выраженія.

(Новгор. Еп. Вѣд.)

Книжная мудрость въ старину.—Сотрудникъ „Сарат. Дневника“ приводитъ рядъ любопытныхъ выдержекъ изъ грамматики времени Петра I.

— Что такое этимологія?—вопрошаетъ учебникъ и отвѣчаетъ:

— Этимологія есть часть грамматики рѣченія раздѣляти и ко своей кождо слово чести съ разсужденіемъ относити учащихся.

— Каковое раздѣленіе имени нарицательнаго?

— Наричательное имя есть трегубо: существительное, собирательное и прилагательное. А прилагательное раздѣленіе таково: совершенное, отыменное, числительное, чинительное, отечественное, языческое (иностранное), уравниваемое и неуровняемое.

— Что такое уравниеніе? (по-нашему—степени сравненія).

— Уравниеніе есть имене уравниемаго по степенямъ уравниенія вожденіе—положительное, разсудительное и превосходительное.

— Что такое родъ?

— Родъ есть пола раздѣленіе: мужскій, женскій, средній, общій, всякій недоумѣнной и преобщій.

— Глаголь есть дѣйство или страсть, или что среднее знаменующее. Глаголь есть четверогубъ: личный, безличный, стропотный и лишаемый. Времена-же: настоящее, пе-

реходящее, прошедшее, мамошедшее, непрѣдѣльное и будущее.

— Предлогъ есть часть слова несклоняемая, инымъ слова частѣмъ сложивъ и сочинительнѣ предлагаемая.

— Нарѣчія раздѣляются по времени, мѣсту, качеству, количеству, числу, чину, случаю, повѣленію, увѣщанію, отрицанію, прещенію, напряженію, ослабленію, разсужденію, уподобленію, разиству, недоумѣнію, вопрошенію, отвѣщанію, собранію, отдѣленію, избранію, ускоренію и указанію.

О знакахъ препинанія учебникъ говоритъ о „строчныхъ препинаніяхъ“— чертѣ. „Черта полагается по начатомъ глаголаніи вмалѣ восторгненомъ, одохомъ обаче не пренятель“.

— Что такое просодія?

— Просодія имя сугубо приѣмлется, вмѣсто напряженія и ослабленія слоговъ, отнюду же, и просодию, сирѣчь припѣтиемъ наречеса. Просодіи раздѣляются на четыре: удареніе, время, духъ и страсть. Удареніе есть возношеніе и утѣшеніе, либо средство, слогъ благогласіе имущее.

— Оксіи мѣсть суть шесть: слогъ прекончаемый, пропрекончаемый, предкончаемый, пропредкончаемый и непревосходный.

Пора и намъ, однако, „пропредкончить“, хотя даѣе въ грамматикѣ слѣдуютъ многочисленные правила о „пристежаніи“, изъятіи, парадигмѣ, стерокликѣ, увѣщаніи, аномалии... и многихъ другихъ мудренныхъ вещахъ.

Народныя цѣлебныя травы.—Въ настоящее время медицина преимущественно пользуется своихъ больныхъ химическими веществами; между тѣмъ въ прежнее время травы были, наоборотъ, единственнымъ лекарствомъ нашихъ дѣдовъ. Изъ травѣтихъ въ наибольшемъ употребленіи:

Полынь, отличающаяся крѣпкимъ, прянымъ запахомъ и

столь сильною горечью, что она передается даже мясу и молоку тѣхъ животныхъ, которыя ее ѣдятъ. Знахари дѣлаютъ изъ нея настойку на винѣ и пользуютъ ею для возбужденія дѣятельности плохо переваривающаго желудка, а водный отваръ ея, въ видѣ чая, даютъ съ большимъ успѣхомъ противъ упорныхъ лихорадокъ. Вообще это прекрасное возбуждающе средство для людей слабыхъ и вялыхъ.

Можжевельникъ или можуха, какъ его называетъ народъ, въ видѣ отвара или настоя ягодъ и верхушекъ молодыхъ вѣтокъ, употребляется отъ кашля, желудочныхъ страданій и даже ревматизма, а ножныя ванны изъ его золы служатъ отвлекающимъ кровъ средствомъ.

Тысячелистникъ, въ видѣ примочки, идетъ на лѣченіе ранъ, а принятый въ видѣ отвара внутрь служить отличнымъ подкрѣпляющимъ нервы и возбуждающимъ дѣятельность мускуловъ средствомъ. Весной свѣже-выжатый сокъ помогаетъ отъ чахотки; отваръ же цвѣтовъ молодыхъ побѣговъ возбуждаетъ дѣятельность желудка, а отваръ корней служить прекраснымъ полусканіемъ въ болѣзняхъ горла.

Шалфей въ видѣ отвара служить также прекраснымъ полосканіемъ горла и рта, особенно же при скорбутѣ и кровотеченіи изъ десенъ. Чай шалфейный останавливаетъ самыя изнурительныя поты, противъ которыхъ обыкновенно безсильна медицина.

Золототысячникъ употребляется при перемежающейся лихорадкѣ, а также какъ укрѣпляющее желудокъ и очищающее желудокъ и очищающее кровъ средство.

Крапива. Отваръ свѣже-высушенныхъ листьевъ употребляется для отдѣленія мокроты при кашлѣ, отваръ корней помогаетъ при начинающейся водяной, а стреканіе свѣжими листьями при сильныхъ ревматическихъ боляхъ.

Звѣробой, настоенный на водкѣ, принимаютъ съ успѣхомъ отъ ревматизма и подагры, а сдѣланная изъ него примочка залѣчиваетъ застарѣлыя раны.

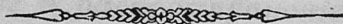

Черника въ видѣ отвара ягодъ представляетъ самое лучшее закрѣпляющее средство при сильнѣйшихъ желудочныхъ расстройствахъ

Брусничные листья, въ видѣ настоя или чая, лѣчатъ отлично ломоту въ костяхъ и ревматизмъ.

Трефоль, въ видѣ настоя листьевъ и корней на винѣ, рекомендуется какъ отличное средство для подкрѣпленія и исправленія желудка.

Новое средство при тушеніи пожара. Инженеръ Демчинскій совѣтуетъ употреблять при тушеніи пожаровъ *амміакъ* (нашатырный спиртъ)—средство очень дешевое. Во время пожара необходимо бросить въ пламя бутылку—другую съ амміакомъ, и пламя затухнетъ, ибо это вещество отнимаетъ кислородъ, т.-е. то, что вызываетъ горѣніе. Особенно быстро и вѣрно дѣйствуетъ амміакъ при пожарѣ внутри помѣщеній. Опыты были сдѣланы въ г. Витебскѣ, въ присутствіи многочисленной толпы, и оказались очень удачными. Однако, средство это нужно употреблять осторожно, такъ какъ взрывъ амміака опасенъ для людей и животныхъ.

СОДЕРЖАНИЕ:—I. Слово въ день благовѣщенія пресвятыя богородице и входъ Господня въ Иерусалимъ—II. Рѣчь предъ благодарственнымъ молебствіемъ по случаѣ избавленіе отъ опасности г. Оберъ-Прокурора Св. синода К. П. Побѣдоносцева.—III. Животворящій Крестъ Господень и его судьба (окончаніе)—IV. По поводу посланія Св. Синода о графѣ Львѣ Толстомъ—V. Невѣріе Апостола Фомы.—VI. Восьмое Палестинское чтеніе—VII. Пятое Палестинское чтеніе въ Ромнахъ въ 1901 г.—VIII. Извѣстія и замѣтки.

Редакторы, преподаватели семинаріи { *В. Конопатовъ.*
В. Терлеуцкій.

Печ. съ разр. мѣстн. дух. цензуры, 10 апрѣля 1901 г.

Полтава, Типо-Литогр. Л. Фришберга.

